

Я ненавижу магические академии

Автор:

Бронислава Лукьянова

Я ненавижу магические академии

Бронислава Антоновна Вонсович

Тина Лукьянова

Лисандра Берлисенсис #1

Я, Лисандра Берлисенсис, потомок древнего магического рода, из-за жестокой насмешки судьбы оказалась выброшена на обочину жизни. Без связей, без поддержки родных и без денег... Свое будущее я представляла иначе – счастливое замужество и никаких попыток овладеть своей стихией. И уж тем более не мечтала о карьере мага. Но, как говорится, хочешь рассмешить богов – расскажи им о своих планах. Вот так я и оказалась в Фринштадской Магической Академии. И все бы ничего, только декан мне попался тот еще – то ли эльф с хвостом, то ли демон с ушами...

Бронислава Вонсович, Тина Лукьянова

Я ненавижу магические академии

Я ненавижу магические академии

Авторы выражают огромную благодарность

за помощь и консультации

Глава 1

С потолка оторвался очередной кусок штукатурки и свалился прямо передо мной. Я даже не вздрогнула, так часто это случалось в последнее время, лишь задумчиво на него посмотрела. Этот был самый большой, такой и убить запросто может. С жильем нужно срочно делать хоть что-то, да и не только с жильем: денег нет совсем, нет и того, что можно продать, и не ела я уже второй день. Фиффи хорошо: где в землю вцепился, там и поел. Фиффи – это мой питомец, не совсем обычный, конечно. Достался он мне от старшего брата, учившегося до ареста на пятом курсе Фринштадской Магической Академии, на факультете Огненных стихий. Как получился этот прожорливый монстр, Бруно и сам не знал, пуляли, поди, по пьяни в какой-нибудь беззащитный росточек чем-то запрещенным, вот и выросло, что выросло. Вручил брат мне его со словами: «Дарю, тебе как адептке магии земли нужен именно такой спутник», но мне всегда казалось, что он просто боялся собственномагично созданного монстра, который так и норовил вцепиться хищными зубастыми листьями во всякого, до кого дотягивался. Радовало, что передвигаться он пока не мог, хотя и делал попытки выбраться из горшка. С Фиффи мы нашли общий язык тут же, и меня он укусить не пытался ни разу. Не знаю, что оказалось решающим: мое природное обаяние или то, что, когда он полез с явным намерением цапнуть, я ласково сказала, что он останется не только без веток, но и без корней. Но теперь это единственное мое близкое существо. Ведь вся моя семья заключена под стражу за участие в заговоре против короны, а наше имущество оказалось под арестом. Лишь меня только допросили и выставили на улицу, в прямом смысле этого слова. А перед этим забрали все. Абсолютно все, и даже мою личную ездовую грифоницу Майзи, которую было особенно жалко. И если бы не этот крошечный домик, завещанный маминной кормилицей, жить было бы негде. К сожалению, покойная благодетельница не озаботилась продуктовыми запасами, так что проблема с едой стоял очень остро. Нет, я немного покопалась на ее участке, но он оказался очень маленьким, а съедобного там почти не было. Вопрос, не умереть ли с голоду, встал передо мной во всей красе. Умирать пока не хотелось. Я взглянула в мутноватое зеркало: с такой внешностью умирать нельзя, ее точно нужно передать по наследству. Волосы – пышные, густые, отливающие золотом – это отличительная черта только нашей семьи

Берлисенсис, и были они необыкновенно красивы. А в сочетании с темными, почти черными глазами и точеной фигуркой сражали мужчин наповал. Даже мой бывший жених помолвку расторг, но предложил обеспечить мне жизнь на определенных условиях. Естественно, я возмущенно отказалась, но он только гадко издевательски ухмыльнулся и сказал, что скоро сама прибегу, если не захочу сдохнуть с голоду, а он подождет. Недолго. Так что теперь у меня даже был выбор: идти к нему в содержанки или в эту гадкую магическую академию. Оба варианта для нашей семьи очень позорны: у Берлисенсис женщины никогда не работали, но и собой не торговали.

Мои размышления прервал стук в дверь. Бросилась я открывать, надеясь, что все прояснилось и мою семью выпустили, но за дверью стоял как раз тот, о ком я только что вспоминала, мой бывший жених Антер Нильте.

– Антер? Что ты здесь забыл? – хмуро спросила я.

– Лисси, куда подевалась твоя вежливость?

Он надвинулся, как шкаф на грузчика, и я по необходимости отошла вглубь, а то ведь задавит и не заметит. Терри был высок и не сказать чтобы толст, но плечи имел широченные. Раньше я иногда мечтала о том, как буду засыпать на одном из них, но все это уже было в прошлом. Теперь я мечтала засыпать от него как можно дальше. И поест. Больше всего сейчас я мечтала съесть что-нибудь.

– Туда же, куда и твоя. Я тебе сказала, что видеть тебя не хочу. Вон из моего дома!

– Лисси, этот дом тебя недостойн, – заявил он. – Я уверен, что ты уже одумалась и решила принять мое предложение.

Ну уж нет, такого удовольствия ему не доставлю. Так что из двух вариантов остается только один.

– Я решила пойти учиться!

– Ты? – он гадко расхохотался.

И как это я раньше не замечала, насколько у него неприятный смех? Наверное, потому, что раньше он смеялся вместе, а не надо мной.

– А что такого? – возмутилась я. – Я собираюсь поступить в академию.

– Лисси, если тебе так хочется учиться, могу оплатить курсы «Тридцать три способа доставить удовольствие мужчине». Уверен, это ты осилишь. Но академия... – он опять мерзко заржал. – Даже твой брат говорил, что ты дура. Хотя и сам он умом не отличается, если выступил против короны.

– Не смей обзывать меня и брата! – заорала я. – И вообще, вон из моего дома! Я не хочу тебя видеть!

– Глаза закрой, – заявил он, – если видеть не хочешь. Потому что я тебя видеть очень даже хочу.

Он сграбастал меня и поволок прямиком в спальню. Такого отвратительного поведения он себе не позволял во время своего жениховства. «Все же хорошо, что я за него не вышла», – промелькнуло в голове, пока я вырывалась из его железных лап. Какая жалость, что меня не учили основам самозащиты, родители были уверены, что статус семьи не позволит мне оказаться в ситуации, хоть отдаленно напоминающей эту. И сейчас я совсем ничего не могла сделать, только испуганно вскрикнуть, но он тут же заткнул мне рот поцелуем. В другое время я непременно бы этим насладилась: целовался Терри как бог. Я с богами, конечно, не целовалась, но мне всегда казалось, что ощущения были бы такими же. Но сейчас расслабляться нельзя ни в коем случае – тогда он без помех завалит меня на кровать и получит то, на что раньше мог рассчитывать только после свадьбы. Ну нет, это единственный капитал, который у меня остался, и я так бездарно его не потрачу. Я мотнула головой, отрываясь от его горячих требовательных губ, и впилась в плечо насильника. Зубы у меня небольшие, но очень острые, недаром в предках были эльфы. Терри от неожиданности громко завопил и отшвырнул меня на кровать, у которой мы как-то незаметно оказались.

– Не хочешь по-хорошему? – зло спросил он. – Привяжу и все равно получу свое, но уже безо всякой жалости.

– Я в Стражу п-пойду. – Я очень испугалась, но старательно этого не показывала. – Для тебя это просто так не пройдет.

– Кто тебя будет слушать? Мой дядя – глава Стражи. А ты – из семьи выступивших против короны. Нет твоим словам веры. Лисси, я слишком долго ждал, чтобы ты сейчас меня остановила такой ерундой.

Он небрежно сорвал с себя рубашку и начал расстегивать штаны. Я в ужасе поползла к изголовью кровати, понимая, что никак его не обойти, слишком маленькая комната. Положение казалось безвыходным, поэтому на всякий случай я постаралась найти что-то положительное в грядущем мероприятии: без рубашки Терри еще красивее, да и проблема с едой решится, не будет же он меня морить голодом. Но тут Фиффи дотянулся до филейной части моего бывшего жениха и вцепился сразу несколькими зубастыми листочками. Терри взвыл как раненый лев и завертелся на месте, его штаны на попе украсились окровавленными лохмотьями.

Момент выдался удачный. Я схватила питомца и бросилась на улицу. Вариант с бывшим женихом отпадал окончательно: зачем мне в любовники тип, у которого испорчена столь важная часть тела? Да и жадноват он, честно говоря. Даже подарки норовил приобрести со скидкой. А один раз, покупая букет у старушки на улице, устроил целое представление, торгуясь из-за нескольких медяков.

– Фиффи – хороший мальчик.

Я остановилась и погладила по листочкам свой кустик. Он счастливо заурчал, чем-то там причмокивая. Хотя почему чем-то? Чистым мясом – у Терри лишнего жира не было, думаю, даже на попе. Я ощутила некоторую зависть к питомцу: он слишком громко чавкал и дразнил меня довольным выражением собственной кроны. Мужчины, а Фиффи, вне всякого сомнения, мужчина, вообще умеют хорошо устраиваться. И отомстил, и поел одновременно. Мне бы так...

Долго стоять не получилось: из моего домика донесся грохот, крыша обвалилась полностью, внутрь, наверняка на бывшего жениха, чей злой рык разнесся, казалось, над всем городом, и я припустила по улице, стремясь уйти от этого места как можно дальше. По дороге я размышляла на тему, что маминой кормилице следовало подремонтировать домик, прежде чем завещать. А то ведь под крышей могла и я остаться. Терри-то что – ударом по голове больше, ударом

меньше, по нему и незаметно, мозгов там все равно нет, одна сплошная кость. Фиффи я крепко прижимала к себе – это самое дорогое, что у меня осталось. Единственная связующая ниточка с попавшей в беду семьей.

Надо признать, что высокие каблуки не способствуют быстрому бегу, но оказаться лицом к лицу с разъяренным Антером не хотелось, поэтому я не останавливалась и неслась по улице, лишь слегка придерживая платье свободной рукой, чтобы ни за что не зацепиться. Судя по всему, платье тоже осталось последнее. Я всхлипнула от жалости к себе. Ни еды, ни одежды, не говоря уже о каких-нибудь совершенно скромных сережках, которых так не хватало моим ушкам. Без них я чувствовала себя почти голой.

Я свернула в попавшийся по дороге Ботанический сад – место людное, поэтому можно быть уверенной, что бывший жених не попробует получить от меня под ближайшим кустиком то, что я, по его мнению, ему задолжала. Я сорвала с дерева плод, подозрительно похожий на яблоко, и принялась. Пах он вполне как правильный фрукт, но на вкус кислятина кислятиной. Есть хотелось невыносимо. Я мужественно проглотила пару кусочков, чтобы желудок окончательно не слипся, а остаток скормила Фиффи, я же должна заботиться о его сбалансированном питании, а то на одном мясе и несварение заработать можно. Конечно, я не знаю, как это выглядит у растений, но и узнавать не хочу.

Тяжелый керамический горшок оттягивал руку. Надо все же Фиффи учить передвигаться самостоятельно, у меня нет антеровских мышц, да и не пойдут они мне. Я представила себя с плечами как у бывшего жениха и содрогнулась. Да они за все дверные проемы будут задевать. Нет, нужно срочно воспитывать питомца, а то поносишь его так пару недель и не заметишь, как перещеголяешь Антера по ширине плеч.

Башни Магической Академии прекрасно видны из любого места города, так как находились в центре и были выше самого громадного здания столицы, даже королевского дворца. Время от времени короли задумывались, не достроить ли еще десяток этажей, чтобы не уступать магическому сообществу, но после подсчетов, во что выльется строительство, а потом эксплуатация, непременно отказывались. Престиж престижем, а казна не резиновая. Я смотрела на магические здания с глубоким отвращением: девушке из приличного семейства делать там нечего, но другого выхода у меня все равно нет, да и зеленый цвет башни магии Земли мне очень идет, а мантии у студентов в тон той стихии, которой обучаются. Некоторые умудряются получать образование в нескольких

башнях, времени им совсем не жалко, да и вкус отсутствует. Вот я бы никогда не стала обучаться некромантии: в черном выгляжу просто отвратительно, это совсем не мой цвет. Правда, по поводу красной мантии я бы подумала, красное так эффектно оттеняет мои золотистые волосы...

Но мой основной дар был в области магии Земли, так что, чтобы надеть красную мантию, нужно сначала относить зеленую, а на такой подвиг я не способна точно. Этак вся молодость в учебе пройдет. Ну уж нет! Мне только на факультете Земли отучиться. Пару месяцев хотя бы...

Со стороны, где остался несостоявшийся любовник, донесся какой-то подозрительный шум, поэтому я решила срезать дорогу и свернула с оживленной аллеи прямо на газон. Идея оказалась так себе. Каблуки вязли в земле, замедляя и без того невеликую скорость, так что ничего я не выиграла – возможно даже, что по дорожкам было бы быстрее, тем более что к ограде я вышла слишком далеко от ближайших ворот. Но Академия была совсем рядом, так что я постаралась втянуть в себя грудь и начала с пыхтеньем протискиваться между прутьями. Грудь не застряла, неожиданно застрял таз. Подергавшись в разные стороны, я с огорчением поняла, что у меня ничего не выходит. Как я ни похудела за эти несколько дней, этого оказалось недостаточно, чтобы покинуть Ботанический сад таким образом. Впрочем, похудение на кости же не влияет. Фиффи тревожно зашелестел.

– Маленький мой, у нас проблема, – пояснила я и постучала по ограде.

Мой спаситель мужественно вгрызся в прут – по-видимому, в его организме теперь не хватало железа, что он успешно и восполнял. Я даже не представляла, что растения на такое способны: через несколько минут выгрызенный кусок упал на землю, а я выбралась из плена и торопливо устремилась к Академии. А то понабежит стража, завозмущается из-за порчи государственного имущества, им же не объяснишь необходимость такой диеты питомца.

Каблуки звонко зацокали по мостовой, и я целеустремленно побежала к зеленой башне, тем более что подозрительный шум сзади приближался и усиливался. Главное – стать студенткой, Магическая Академия обычной страже не подчиняется. Ворвавшись внутрь, я чуть не сбила с ног типа, подозрительно смахивающего на эльфа – точеные черты лица и вытянутые острые уши явно указывали на его родство с Дивным Народом, все портил длинный гибкий хвост с

кисточкой на конце, который сейчас раздраженно дергался. Смотрел при этом полуэльф весьма недовольно. Станный какой-то, неужели от эльфов он не мог взять хоть немного самообладания. Ну наступила я ему шпилькой на ногу, так почти сразу и слезла, даже дырки на сапоге не осталось, так, маленькая вмятинка. Я попыталась ему обворожительно улыбнуться, у меня всегда это получалось просто замечательно, но его взгляд похолодел еще больше, и теперь мой противник напоминал огромную глыбу льда. Даже почти белые пряди, выбившиеся из хвоста, в который небрежно были стянуты его длинные волосы, выглядели, как сосульки в гриве ледяного демона. Наверное, потому, что Фиффи не выдержал мелькающего перед ним соблазна и решил зажевать железо чем-то более легкоусвояемым. Но полуэльф хлестнул хвостом так, что кустик вырвался из моих рук, горшок впечатался в ближайшую стену и рассыпался на множество мелких осколков, а мой бедный цветочек, ошалело шевеля корешками, отцепился от невкусного хвоста и сполз на осколки своего домика. Без жилья теперь остались мы оба.

– Вы... вы... вы разбили мой горшок! – возмущенно сказала я. – Повреждение чужого имущества, между прочим.

– В целях самозащиты, – ледяным тоном ответил он мне. – Ваше имущество пыталось меня съесть.

– Неправда, он только пожевал немного! – Я подняла беднягу Фиффи и нежно погладила его по листочкам. – Не надо тащить в рот всякую гадость. Вдруг он для тебя ядовит? Вон какой агрессивный и злой!

– Видите ли, фьорда, – протянул он, – мне быть только пожеванным тоже не очень хочется. Держите своего питомца при себе, чтобы не нападал на проходящих мимо, а то следующий будет не так добр и не ограничится одним горшком.

– Добр? – всхлипнула я. – Оставил Фиффи без ничего и еще издевается!

Полуэльф сжал губы в ниточку, высокомерно развернулся и ушел, немного прихрамывая на ногу, пострадавшую при нашей встрече. И лишь когда и след его простыл, я сообразила, что могла бы попросить его довести меня до деканата. Должен же он хоть как-то компенсировать нанесенный ущерб? А то если все повадятся горшки разбивать, на что я их буду покупать? Денег-то у

меня совсем нет...

Я растерянно озиралась. Вокруг не было никого, ни единой живой души. Даже Фиффи испуганно ко мне прижался и вцепился своими корешками в руку. Что ж, пусть держится, главное, чтобы не начал вращаться. Оно, конечно, оригинально, но в таком симбиозе я явно окажусь страдающей стороной: ни тебе платье нормальное надеть, ни на свидание сходить. Зато Фиффи, конечно, будет питаться намного качественнее и регулярнее. Нет, слишком мало плюсов. Девушку должна украшать только естественная поросль, и только на голове. Я гордо потрянула своей золотистой гривой, которая так и осталась не прибранной в прическу – до прихода Антера я успела заплести только пару косичек на висках.

– Вы кого-то ищете?

Вкрадчивый баритон прямо над ухом заставил меня взвизгнуть и подпрыгнуть на месте. В нашей семье так тихо подкрадываться умел только мой брат. Вообще, почти все выпускники факультета Огня прямиком шли в армию, вот и натаскивали их еще во время учебы на поведение, совершенно неподходящее нормальным людям. Этот тоже щеголял красной мантией, и как его только занесло на факультет Земли? Наверное, специально сюда ходит девушек пугать.

– Лисандра, вы? Что вы здесь делаете?

Надо же, действительно с братом учился. Но вот только я его совсем не помню, что довольно странно: у него из-под мантии тоже торчал кончик хвоста, а это такая примета, не забывающаяся. Страшное подозрение закралось в мою душу: вдруг хвосты отрастают у всех магов? Мне такое совершенно ни к чему, хвост – это не то украшение, о котором мечтает приличная девушка. На нем можно, конечно, и бантик завязать, и пару колечек пристроить, но все же я бы предпочла без этого обойтись. Но тут я вспомнила, что у брата хвоста точно нет, и успокоилась. Да и мой бывший жених оканчивал эту академию, а ничего подобного у него я в последнюю нашу встречу не видела. Не мог же Фиффи полностью сгрызть такую объемную часть тела за такое короткое время? Он ведь совсем маленький, в него целый хвост не влезет.

– Лисандра, почему вы молчите?

– Я немного растерялась, – доверительно сказала я, призывно улыбнувшись.

Ведь все знают, сколько получают маги в нашей армии. И мне кажется, этому типу жена просто необходима, вон как внимательно он изучает зону моего декольте, благо там было на что посмотреть. Но тут я вспомнила, какие требования предъявляет армия к своим офицерам, и улыбка моя сама по себе увяла. Жениться на девушке из семьи государственных преступников он мог позволить себе только в том случае, если не собирался идти в военные маги, а зачем он мне тогда – мантия-то у него весьма потертая, да и качества не самого лучшего, значит, он совсем не из обеспеченной семьи. Впрочем, это не мешает ему довести меня до деканата.

– Я решила пойти учиться, – пояснила я, опять расцветая улыбкой.

– Учиться? – поперхнулся он. – Но занятия уже месяц как идут. Где вы раньше были?

– Никак дойти не могла, – горько сказала я. – Вы же знаете, что случилось с моей семьей. У меня теперь ни дома, ни денег. Мне даже есть нечего.

Я показательно всхлипнула. Реветь я не собиралась: при этом глаза краснеют, нос распухает, и я становлюсь не такой привлекательной, как обычно.

– Я могу вам одолжить, – охотно предложил он.

Теперь он изучал меня более внимательно, видно, прикидывал, что получит за те жалкие гроши, что сможет дать. Он бы еще ужином предложил накормить, гад!

– Вы меня лучше в деканат проводите, – застенчиво улыбаясь, попросила я. – Мне нужно срочно поговорить с деканом. Нельзя же дальше откладывать обучение.

Фиффи согласно зашелестел веточками. В отличие от этого бывшего друга моего брата, он прекрасно понимал, что обучение – это не только отдельная комната для проживания, но и бесплатное питание. А для меня – еще и стипендия. Я выжидательно посмотрела на парня, который никого никуда провожать не торопился.

– Понимаете, Лисандра, Тарниэля Кудзимоси, нынешнего декана факультета Земли, вам вряд ли удастся уговорить. На редкость упертый тип.

– У меня все равно нет выбора, так что я попробую. – Моя нежная улыбочка наконец заставила его сдвинуться с места и предложить мне руку. – Тарниэль Кудзимоси? Что за имя такое странное – первая половина эльфийская, а вторая явно от демонов. Так же не бывает.

Мы уже бодренько поднимались по лестнице, мраморные ступени которой оказались такими скользкими, что не будь при мне опоры в лице будущего мага Огня, я уже несколько раз пересчитала бы эти ступени собственной попой. Нищий какой-то факультет, денег даже на ковровую дорожку не нашли. Ну ничего, главное, чтобы мне на стипендию хватило.

– Вы что? – удивился парень. – Про Оттепель не слышали, что ли? Когда эльфийская Альвинская империя и демонское Корбианское королевство пытались установить дружеские отношения?

– Что-то припоминаю, – неуверенно сказала я. Можно подумать, мне делать больше нечего, как забивать всякой ерундой голову, она же распухнуть может. – И как, удалось им эти отношения установить?

– Попытка провалилась с треском, а вот местный декан остался как память о дружбе между народами, и характер у него совсем не эльфийский, в отличие от физиономии.

В этом месте его рассказа меня кольнуло какое-то нехорошее предчувствие, но я не успела расспросить своего провожатого подробнее, так как он внезапно остановился и сказал:

– Все, пришли.

Передо мной оказалась массивная деревянная дверь, украшенная резным растительным орнаментом. Табличка на двери гласила: «Тарниэль Кудзимоси. Декан факультета Магии Земли».

И выглядела дверь, несмотря на легкомысленные цветочные завитушки, очень устрашающе, как-то сразу понималось, что ничего хорошего там, за этой дверью, быть не может. Я невольно отступила и врезалась в своего спутника, который воспринял это как попытку заигрывания, прижал к себе и прошептал в ухо:

– Идите, я подожду вас здесь.

Я храбро шагнула через порог и аккуратно прикрыла за собой дверь. Затем повернулась к сидящему за столом и приветливо улыбнулась.

– Здр... – начала я.

Но слова приклеились к моему языку так же, как улыбка – к лицу. Деканом оказался тот самый наглый тип, что разбил горшок Фиффи. Питомец тоже его узнал, попытался переползти мне за спину и стать частью прически. Я его прекрасно понимала, мне тоже хотелось слиться с чем-нибудь, к примеру, с дверью, так как острые льдинки глаз буравили не переставая. Да я уже совсем к полу примерзла!

– Я так понимаю, вы пришли с извинениями, – в голосе его погромыхивали кристаллики льда, как в стакане с прохладительными напитками.

– Я? С извинениями? Ну знаете ли! – возмутилась я. – Вы сбили меня с ног, нанесли ущерб и моральную травму моему питомцу – вон он как вас боится, – а потом бросили безо всякой помощи в незнакомом месте! А теперь я еще и извиняться должна?

Полуэльф приподнял брови, и одновременно с этим я почувствовала, как мои ноги отрываются от пола и неизвестная сила выносит за пределы кабинета. Я даже завизжать не успела, как оказалась опять возле захлопнувшейся прямо перед моим носом двери с табличкой «Тарниэль Кудзимоси. Декан факультета Магии Земли». Земля землей, а воздухом он тоже владеет неплохо.

– Быстро ты. – Маг Огня воспользовался моментом и подержал меня за талию. – Сказал в следующем году приходить?

Ему я даже ничего не ответила, просто отцепила от себя и еще раз перешагнула порог негостеприимного кабинета. Я бы с удовольствием этого не делала, но вот беда: другого выхода не было.

- Извините, - быстро сказала я, увидев, как его брови опять поползли вверх.

Я очень быстро учусь. Одно из основных женских правил гласит: «Скажи мужчине то, что он хочет от тебя услышать, и будет тебе счастье». Пока я использовала это только на близких родственниках и всегда получала желаемое, но ведь всегда можно расширить применение.

- Извинения приняты, - холодно сказал Кудзимоси. - Можете быть свободны.

- Я никак не могу быть свободной. У меня к вам важное и неотложное дело.

Я ласково улыбнулась, показывая, что зла на него никакого не держу, но он лишь продолжал выжидательно смотреть, даже сесть не предложил, хотя сам устроился в кресле со всем удобством. Я невольно подумала, что с хвостом в обычном кресле сидеть неудобно. Наверное, в этом есть специальная дырка. Появилось просто огромное желание изучить кресло поближе, но сейчас время слишком неподходящее для демонстрации своих исследовательских талантов. Поэтому я улыбнулась ему еще раз и села без всякого приглашения на ближайший к моему собеседнику стул.

- Я хочу поступить на ваш факультет, - вдохновенно начала я.

- Рад за вас, - невозмутимо ответил Кудзимоси. - Приходите перед началом следующего учебного года, и мы это непременно обсудим.

- Но я сейчас хочу, - с небольшим нажимом сказала я, подкрепив слова совсем маленьким убеждающим пассом.

Через мгновение я уже стояла перед дверью и опять изучала табличку. Мог бы и просто сказать, что отрицательно относится к использованию ментальной магии, а не выкидывать из кабинета, как какую-то ненужную вещь. А я очень нужна для его факультета персоне, как бы только донести еще до этого Кудзимоси столь важную мысль, если заклинание убеждения недоступно?

– В этот раз вы продержались намного больше, – сказал прямо мне в ухо огневик, о котором я уже успела забыть.

– Спасибо, – вежливо ответила я и подумала, что хоть имя-то его узнать нужно, а то неудобно получается.

Дверь я открывала с некоторой опаской и, войдя, сразу вцепилась в ручку. Теперь, чтобы меня опять выставить, придется приложить намного больше усилий. Надеюсь, он не захочет, чтобы обстановка его кабинета повредилась, и не станет выдирать столь ценную ручку из двери.

– Извините, – сказала я с самой убойной улыбкой из своего арсенала.

От одного ее вида мои поклонники обычно теряли остатки разума и были готовы на любой подвиг во имя меня. Не зря же меня заставляли многократно отрабатывать такой полезный навык перед зеркалом. Но этот наглый тип показывал готовность только еще раз выставить меня из своего кабинета, что не могло не огорчать.

– Применение ментальной магии является серьезнейшим нарушением, фьорда, – процедил он.

– Я случайно, – жалобно сказала я. – Не делайте так больше, пожалуйста. Фиффи совсем испугался.

Если красота не проходит, нужно давить на жалость, это еще моя бабушка говорила. Главное – не войти в роль слишком сильно и не начать рыдать по-настоящему. А то косметика при этом может некрасиво размазаться и кавалер вместо того, чтобы пожалеть бедную девушку, испугается ее до заикания. Не думаю, что заикающийся декан отнесется ко мне снисходительнее.

Я торопливо подошла к нему поближе, села на стул и крепко ухватилась за столешницу. Не выставит же он меня из кабинета вместе с собственным столом? Кудзимоси так иронически посмотрел, что сразу стало понятно: ему не составит труда оторвать меня от своей мебели и безжалостно выбросить наружу, где меня ожидал маг Огня, в котором я уже начала находить некоторые хорошие черты. Например, мягкость.

– Будет лучше, если ваш Фиффи продолжит пугаться в другом месте. Фьорда, я вам уже сказал: прием в академию окончен уже месяц как. А с вашей привычкой разбрасываться запрещенными заклинаниями я не уверен, что вы сюда и в следующем году поступите.

– Оно не из запрещенных, – захопала я ресницами. – Просто помогает достигнуть взаимопонимания. Убедить собеседника. У меня просто нет другого выхода, как у вас учиться, понимаете?

– Нет, – весьма прохладно ответил он.

– Мне негде жить, нечего есть, и совсем нет денег. Родителей арестовали, а жених от меня отказался. То есть не совсем отказался, но жениться больше не хочет.

Я посмотрела очень жалобно, но Кудзимоси как примерз к своему креслу, так и не собиравшись оттаивать.

– Ну пожалуйста, – почти простонала я.

– Фьорда, сегодня четверг, – неожиданно сказал он.

– И что? – округлила я в изумлении глаза.

– Я подаю только по субботам. И только тем, кто просит милостыню перед храмом. Лицам младше десяти и старше семидесяти. У вас ни одно из этих условий не выполнено. Идите поработайте.

– Поработайте?

Да как он мог мне предложить такое непотребство? Поработайте... В роду Берлисенсис женщины не работали никогда, исключений не было. Мне бы продержаться совсем немного, пока не найдется крепкое мужское плечо, которое примет на себя все тяготы моей жизни.

– Именно. А в следующем году, если желание не пропадет, придете опять поступать. Для этого ко мне обращаться необязательно. Будет создана

специальная комиссия по приему новых студентов, зачисление по ее решению.

Я была уже готова изменить своим принципам и разреветься. Все равно накраситься толком не успела, так что испугать своего собеседника не смогла бы, как вдруг дверь в кабинет распахнулась и перед моим удивленным взором появился Антер Нильте в компании его дяди по матери, Элана Суржика, возглавлявшего Столичный Департамент Стражи. Бывший жених имел вид настолько довольный, что я сразу поняла: он решил заботиться обо мне до конца и обеспечить бесплатным жильем и питанием. За государственный счет, разумеется, ведь Терри очень бережлив.

– Лисандра Берлисенсис, вы арестованы за нападение на Антера Нильте и нанесение ему телесных повреждений, – заявил Суржик.

– Но это он на меня напал, – запротестовала я. – Да еще и крышу дома обвалил, так что я осталась совсем без жилья.

– Да ты ее сама магией на меня сбросила, – процедил бывший жених.

– Я такого и не умею! – возмутилась я.

– Вот на суде и расскажете. – Суржик положил горячую потную руку на мое плечо, за что тут же поплатился: Фиффи подобных вольностей не терпел, сделал небольшой предупредительный укус и тут же перебрался подальше от завопившего начальника Стражи.

– Еще и нападение на представителя правопорядка, – злорадно сказал Нильте. – На суде лет на десять потянет.

Лет на десять? Я в ужасе смотрела на бывшего жениха. Действительно, кто мне поверит? Я из семьи государственных преступников, а Суржик – весьма значимое лицо в столице.

– Но мы можем договориться во внесудебном порядке, – продолжил бывший жених. – Возможно, дело до ареста и не дойдет.

Глазки его масляно заблестели, в призывном взгляде явно читалось, что он уже считает меня своей собственностью, доставшейся почти даром. Подумаешь, несколько жалких покусов на месте, которое все равно почти никто не увидит, – разве это полноценная плата за такую прекрасную меня?

– Студенты магической академии не подлежат аресту городской стражи, – внезапно скучным голосом сказал Кудзимоси. – Вам нужно обратиться с заявлением в нашу службу на территории Академии, и только она может дать разрешение на арест фьорды Берлисенсис.

Вид перекосившихся физиономий племянника и дяди пролился бальзамом на мое израненное сердце. Начальник стражи недовольно засопел, что-то там подсчитывая в уме. Подсчеты явно давались нелегко, но он не сдавался и пришел к какому-то неприятному для меня выводу.

– Когда это она успела стать вашей студенткой? – недовольно спросил Суржик.

– Буквально перед вашим приходом, – любезно ответил декан.

– Зачисление уже месяц назад прошло, – встрял мой бывший жених.

– Мы сочли возможным пойти навстречу девушке, попавшей в такое тяжелое положение.

– Но когда она напала на фьорда Нильте, она не была еще вашей студенткой, – нашелся Суржик. – Значит, за нападение должна отвечать у нас.

– Интересный вопрос, – задумчиво сказал Кудзимоси. – Но ответ на него лучше всего узнавать у наших юристов.

Дядю с племянником перекосило вторично. Юристы Магической Академии славились умением вытаскивать своих клиентов из самых безнадежных ситуаций. Я приободрилась и ласково улыбнулась Антеру. Прощай, дорогой!

– Мы еще встретимся, – прошипел он перед выходом из кабинета.

Дверь мой бывший жених захлопнул за собой с таким громким стуком, что я подпрыгнула от испуга на стуле, а Фиффи так вообще чуть не свалился. Я посмотрела на Кудзимоси, он выглядел весьма недовольным. Что же заставило его изменить решение, я ведь даже заплакать не успела? Неужели секретный пасс моей семьи все же проник через его защиту и заставил пойти мне навстречу? Да, фамильные разработки – это сила. Они так замечательно помогали маме в спорах с отцом, а сейчас пришла моя очередь пожинать плоды семейных трудов. Я приосанилась и устроилась на стуле поудобнее. Теперь бы декана еще убедить в том, что стипендия мне нужна повышенная...

– И что теперь с вами делать, фьорда? – мрачно спросил он.

При звуке его голоса я опять вцепилась в стол, так как было очень похоже, что он собирается вновь выставить меня из своего кабинета. Но я за сегодня уже налеталась, повторять совсем не хотелось, хоть там за дверью и стоял маг Огня, довольно мягкий при приземлении. Впрочем, декан же меня уже принял. Тогда к чему вопрос? Страшное подозрение о хвостах опять закралось мне в душу. Но ведь меня совсем не украсит отращивание совершенно ненужной части тела. Это у демониц они смотрятся весьма стильно, ну так к ним в комплект еще и рожки идут. Хотя хвост же потом и купировать можно, Фиффи же не откажется помочь хозяйке, он у меня отзывчивый, даже Кудзимоси хотел помочь, хотя видел того впервые. Но до удаления доводить не хотелось, может, удастся заболтать этого типа и он попросту забудет о своих коварных планах?

– Учить, – наконец ответила я. – Вы же меня приняли.

И улыбнулась самой застенчивой улыбкой, что у меня была в арсенале. Даже кончиком туфельки поковыряла немного ковер, чтобы показать, какая я скромная и послушная.

– И зачем я это сделал? – вздохнул Кудзимоси.

– Потому что вы добрый, чуткий и отзывчивый, – радостно пояснила я.

Еще моя бабушка говорила, что комплиментов много не бывает. Мужчине нужно постоянно говорить, какой он замечательный, тогда у него возникает от тебя зависимость и стремление быть все время рядом. Не то чтобы мне очень хотелось быть все время рядом с Кудзимоси, но это гарантия того, что меня не

отчислят.

– Не обольщайтесь, – усмехнулся он как-то криво, одной половиной рта, что почти совсем не испортило его смазливую эльфийскую физиономию. – Я просто терпеть не могу эту семейку. Как вас угораздило взять себе в женихи такое убожество, как Суржик?

Его замечание прозвучало особенно оскорбительно для меня. Даже Фиффи неодобрительно зашелестел. Кто бы говорил! У моего жениха хотя бы хвоста не было!

– Во-первых, договаривались мои родители, – зло ответила я. – Во-вторых, он не Суржик, а Нильте. А в третьих, он совсем не убожество, а очень даже привлекательный молодой человек. Вы его плечи видели? В два раза шире ваших, – с гордостью за бывшего сказала я.

– Что ж вы решили не договариваться с ним во внесудебном порядке? – ядовито спросил он. – Если уж у него такие замечательные плечи?

– Вы помешали, – честно ответила я. – Хотя, по правде говоря, ничего там особенно замечательного, кроме плеч, и не было.

– Фьорда, если вы так скучаете по плечам своего бывшего жениха, еще не поздно его догнать и сказать об этом.

– Всегда приходится чем-то жертвовать, – притворно вздохнула я. – Видите ли, Терри против моей учебы. То есть не против учебы вообще, а в данном учебном заведении. А так он мне даже курсы предлагал оплатить.

Какие именно курсы, уточнять не стала. Почему-то показалось, что Кудзимоси не проникнется серьезностью намерений бывшего жениха, если узнает, куда тот хотел меня отправить учиться. Фиффи почти всеми веточками спустился под стол – наверное, декан свое раздражение выдавал дергающимся хвостом, которого мне не было видно. Но питомец лишь наблюдал, никаких активных действий предпринимать не торопился. «Тоже быстро учится, весь в хозяйку», – с умилением подумала я.

Кудзимоси выдвинул ящик стола, достал оттуда студенческий жетон и протянул. И лицо у него при этом было такое, что сразу понятно: заикнись я про повышенную стипендию, и жетон сразу вернется назад, в давно обжитое место. Так что я быстро схватила что дают и уставилась преданными глазами на декана в надежде услышать прочувствованную речь о том, как счастлива Академия получить столь замечательную студентку в моем лице и что при любых проблемах я могу рассчитывать на личную поддержку Кудзимоси.

– Активированный жетон дает право на бесплатное питание и заселение в общежитие, – процедила эта ледяная глыба, – а также пользование библиотекой. При первом пропуске занятий отчислю. Можете быть свободны, фьорда.

Фиффи все же не выдержал искушения и в попытке добраться до деканского хвоста свалился с моих колен, назад он забрался почти тут же, да и сделать ничего не успел, но внимание привлек. Очень неодобрительное внимание.

– И следите за своим питомцем. Если он кого-нибудь покусает на этом факультете, – Кудзимоси сделал зловещую паузу, – будете нести материальную ответственность.

– А на других факультетах? – зачем-то спросила я.

– На усмотрение их деканов. Свободны! – рыкнул он.

Глава 2

В этот раз в коридор меня вынесло безо всякой магии. В руках я цепко держала свою добычу – студенческий жетон, который гордо показала честно дождавшемуся магу Огня. Я-то думала, после появления Суржика в академии все встреченные им студенты разбегутся, чтобы не привлекать внимания начальника столичной стражи, но нет – парень с независимым видом изучал портреты на стенах. Я тоже бросила на них взгляд и содрогнулась. Если такие лица у всех, кто занимается магией, то я явно поторопилась с зачислением. Один хвост еще как-то можно пережить, тем более что декан пока не настаивает на

отращивании этого органа, но занять такую вот кислую рожу – и все, на личной жизни можно сразу ставить крест. Я было приуныла, но тут же себя успокоила: сколько я там этой магией позанимаюсь, пока не выйду замуж? Испортиться ничего не должно. Здесь главное – не оттягивать устройство личной жизни на длительный срок.

– Я думал, у вас ничего не получится, – прокомментировал мое появление огневик. – Поздравляю будущего мага Земли!

С поздравлением он несколько поторопился: пробыть на этом факультете до выпуска я не собиралась. Вот сейчас осмотрюсь немного, поем – и вперед, на поиски того, кто согласится пожизненно делить со мной горе и радости.

– Да, фьорд Кудзимоси не очень дружелюбен, – ответила я с гордой улыбкой.

– Не очень дружелюбен, – фыркнул парень, – да от него весь ваш факультет стонет. Удивительно только, что девушки так к нему липнут.

– Липнут? – фыркнула я. – Да кому он нужен, с та-а-а... – я хотела сказать «с таким хвостом», но вовремя заметила аналогичное украшение собеседника, торчащее из-под мантии, поэтому продолжила совсем не так, как собиралась поначалу: – Старый такой?

– Не такой уж я и старый, – раздалось за моей спиной погромыхивание льдинок в стакане.

– Это что, намек, что я тоже должна к вам липнуть? – в ужасе уточнила я.

Ответом был громкий стук захлопнувшейся двери. Хоть бы промолчал о том, что услышал, если уж объяснять ничего не собирается. Или это у них в обязательном порядке на данном факультете и отлынивать нельзя так же, как и от занятий? Я растерянно посмотрела на мага Огня, но тот только подавился возникшим смешком и ничего не стал пояснять. Ну и ладно, пока прямого приказа не будет, липнуть к деканам не собираюсь. А сейчас нужно срочно выяснить, где же здесь заселяются в общежитие и едят. Желудок согласно занял, он давно уже намекал, что совсем не прочь поработать.

– Извините, но я никак не могу вспомнить, как вас зовут. – Я улыбнулась с деланным смущением единственному представителю мужского пола, оказавшемуся в зоне досягаемости. – У меня просто ужасная память на имена.

– Серен Кьеркегор, – представился он с легким поклоном.

– Какое красивое имя! – восхитилась я. – Оно так вам подходит, что я непременно бы запомнила, если бы брат вас мне представил.

Огневик довольно заулыбался и выразил желание помочь мне устроиться в этом негостеприимном месте. Я покосилась на закрытую деканскую дверь, решила, что дальше стоять перед ней бессмысленно, и крепко ухватилась за предложенную руку. Ведь наверняка за все время беседы с Кудзимоси никто не удосужился постелить на лестнице ковровую дорожку и ступени там оставались все такими же скользкими. Мантию мы получили по дороге, благо кастелян факультета Земли сидел в этом же здании, только на первом этаже. При виде потертой тряпочки я невольно поморщилась:

– Фьорд, эта мантия старше моей бабушки.

– Она и вас переживет, фьорда, – невозмутимо ответил он. – Здесь такая замечательная прочная ткань.

– Да ей только полы можно мыть! – возмутилась я. – Она мало того что вытертая, так еще и сшита балахоном. Разве приличная девушка может такое надеть? Мне, пожалуйста, что-нибудь поновей и приталенное.

– Фьорда, у нас здесь не магазин, – вытаращился на меня кастелян. – Что дают, то и берите. Не нравится – индивидуальный пошив к вашим услугам, могу адресок дать.

Адресок портного мне сейчас совсем не нужен. На что я буду шить мантию, если нет денег даже на новый горшок для Фиффи? Впрочем, мой цветочек совсем не выглядел опечаленным тем, что остался без дома, он бодро перебирал корешками, когда переползал с моей руки на плечо, оставляя грязные земляные разводы на коже и платье.

- Но ведь у вас наверняка есть новые мантии.

Я хотела было подкрепить слова нужным пассажем, но вовремя вспомнила, к чему это привело в кабинете декана, и ограничилась лишь чарующей улыбкой. Возможно, кастелян не так силен в плане магии, но выставить нарушителя из своего кабинета сил у него хватит и физических, а амулетов против магического воздействия на нем висит прилично.

Кастелян заулыбался в ответ, показывая желтые от табака зубы, но не сдался:

- К сожалению, фьорда, новые мантии выдаются только по личному распоряжению фьорда Кудзимоси, но я уверен, если вы попросите, он не откажет.

Его слова больше походили на изощренное издевательство, но кастелян выглядел таким заинтересованным в том, чтобы мне помочь, что я отбросила подозрения на его счет и жалобно спросила:

- Но неужели у вас нет чего-нибудь поновей? И хоть немного приталенного...

- На территории Академии разрешен только один тип мантии, - невозмутимо ответил он. - А эта - самая новая, что могу вам предложить. Учебный год ведь давно уже начался.

И как я его ни уговаривала, ни к чему это не привело. Он, конечно, принес еще парочку мантий на выбор, но я вынужденно признала, что первая действительно самая приличная. Так что пришлось брать эту линялую тряпку, да еще и горячо благодарить выдавшего за участие.

- Заходите еще, фьорда Берлисенсис, - довольно сказал он, когда я расписалась в получении мантии. - Было приятно с вами познакомиться.

Я улыбнулась ему еще раз, в надежде, что когда-нибудь в будущем эта сегодняшняя улыбка поможет достичь желаемого, и набросила на себя мантию. Вид в зеркале не порадовал. Я поняла, почему у магичек на портретах такие кислые лица. Попробуй заинтересовать кого-нибудь в подобной одежде, здесь и те поклонники, что были, разбегутся. Как вообще в такой хламиде можно

привлечь внимание лиц противоположного пола? Как в таких нечеловеческих условиях прикажете искать мужа?

– Не расстраивайтесь, Лисандра, – сказал Серен. – Все равно мантии эти очень быстро теряют свою новизну, а зеленый цвет вам идет.

Я приободрилась. Ведь если остальные девушки вынуждены носить такое же убожество, мои шансы никуда не делись: при мне все так же оставались замечательные волосы, прекрасное лицо и отработанная многолетними тренировками улыбка, которую я тут же послала огневику. И она попала точно в цель!

– У вас же денег нет, – вспомнил Серен. – Давайте я займу вам на первое время.

Как ни заманчиво показалось его предложение, но я вынужденно отказалась. Приличные девушки не берут денег у мужчин, это в меня бабушка твердо вбила, тем более что отдавать их нечем. Вот подарки – совсем другое дело, подарки правила хорошего тона принимать не запрещали. Их потом, если что, и продать можно.

Но спутник мне достался ужасно толстокожий и намеки полностью проигнорировал. Да, правильно намекать, видно, я так и не научилась. Правда, мне показалось, что до Серена вообще слова иной раз доходили с большим трудом, особенно после того, как я сняла мантию и мое декольте опять оказалось в зоне его видимости. Глаза его временами теряли осмысленное выражение, и я уже начала опасаться, что мы не дойдем до общежития. Он пару раз споткнулся, потом встряхнул головой и поднял свой взгляд на мое лицо, где сразу же встретил мою улыбку.

– Лисандра, на территории академии студенты должны ходить в мантиях, – неожиданно твердо заявил он. – Иначе это сильно отвлекает.

– Все время? – с ужасом спросила я. – Я все время должна носить этот кошмар?

– В своей комнате вы можете одеваться как угодно, – ответил он.

Набросить мантию не составило никакого труда, но настроение она мне испортила совершенно. Что мы здесь, заключенные, что ли, чтобы постоянно носить тюремную робу? Как вообще выживать в таких условиях приличной девушке?

– А ведь здесь балы бывают, – внезапно пришло мне в голову. – И что, на них тоже в мантиях приходят? Это уже не бал, это настоящее извращение. Вы там не маршируете, часом, под гимн Академии?

– На бал вы можете надевать что угодно, – успокоил меня Серен. – Но они бывают очень редко. Всего пару раз в семестр. И танцы там вполне обычные, что я с удовольствием вам покажу на ближайшем.

Главное, что бывают и на них не надо надевать этот облезлый ужас, который затрудняет до невозможности любые действия по обольщению будущего мужа. Вот я бы ни в жизнь не взглянула второй раз на того, кто такое носит. Но что делать, тут такое носят все... Теперь бы еще с факультетом определиться. Огонь отпадает, хоть этот Кьеркегор довольно мил и его вполне можно подержать в штатных поклонниках, но на расстоянии вытянутой руки, не ближе. Да, ему только повод дай. Я посмотрела на своего спутника и чарующе улыбнулась, он расцвел в ответ. Что ж, его можно оставить на совсем крайний случай, если ничего приличнее не подберу.

– Серен, тебя там ищут, а ты здесь посторонних выгуливаешь, – ухватилась за рукав моего спутника наглая черноволосая девица в красной мантии.

В ее появлении я углядела только один плюс: у нее не торчал хвост из-под одежды, значит, это не обязательный магический атрибут. Впрочем, если судить по ее внешнему виду, хвост вполне мог быть недоразвитым. Вся она была какая-то всклокоченная и перекошенная, даже мантия сидела криво, хотя и явно была поновей, чем моя. А туфли... Это же ужас какой-то: растоптанные, неопределенной формы, да еще и гадкого грязно-коричневого цвета. Но вцепилась она в парня прямо как клещ: рукав он подергал, но она как прилипла, так отваливаться и не собиралась.

– Ильма, я скоро приду, – недовольно сказал он. – Только помогу фьорде заселиться.

Я победно улыбнулась? Съела? Это моя добыча, и нечего на нее разевать свой рот, который ты даже забыла накрасить. Так что, рыбка-прилипала, плыви дальше.

– Да что там сложного в заселении? – фыркнула она. – Вон общежитие магов Земли, дойдет как-нибудь, если ноги на таких каблучищах не переломает. Видать, они у нее короткие, если удлинять приходится.

– Это в каком месте они у меня короткие? – удивилась я, задирая подол как можно выше и осматривая себя со всех сторон. – Серен, не подскажешь?

Но Серен застыл на месте, видно пытаюсь сообразить, где у моих ног может быть недостаток. Задача сложная, так как с утра ничего не изменилось, а утром мои ноги выглядели полностью безупречно. Девушка позеленела от злости, что совсем не подходило к ее красной мантии. Впрочем, с моей зеленой такой цвет тоже не сочетался бы – неравномерный, пятнистый, да еще и неприятного болотного оттенка. Наша компания начала привлекать нездоровое внимание, так что я отпустила подол, взяла под руку онемевшего парня, ласково улыбнулась и сказала:

– Твоя подруга – такая любознательная фьорда. Она, наверное, хорошо учится.

– Ильма – лучшая на курсе, – отмер мой спутник.

Глядел он почему-то при этом совсем не на «лучшую на курсе», которая при этих словах довольно улыбнулась, а зелень с ее лица начала понемногу уступать место обычной бледности.

– Нетрудно догадаться, – заявила я. – Только полностью поглощенная занятиями фьорда могла не заметить, что ей на голову свалилось целое воронье гнездо.

И я ласково улыбнулась уже своей сопернице, которая по цвету теперь напоминала собственную мантию и, казалось, только и мечтала запустить в меня маленьким файерболом. Хотя нет, не маленьким, она вполне созрела до большого. Она даже руку подняла характерным жестом, но тут Фиффи клацнул листочками в опасной близости от ее носа, и желание магичить у нее исчезло.

– Серен, тебя вся группа ждет. – Демонстративно не обращая на меня больше внимания, эта девица потянула моего спутника за рукав мантии. – Ты говорил, зайдешь к сестре ненадолго, и пропал. Нехорошо заставлять себя ждать.

Изъяснялась она точь-в-точь как моя мамочка, когда выговаривала братцу за какой-нибудь проступок, отражавшийся на репутации семьи. Грозные родительские нотки столь явно проскакивали в голосе, что Серен невольно потупился, как нашкодивший подросток. Какая глупая девица! Разве можно себя так вести, если хочешь привлечь внимание понравившегося парня? Будь она умной, разве ему вообще пришло бы в голову сказать, что она лучшая ученица на курсе? Да, бороться с такими – себя не уважать!

– Серен, ваша помощь для меня была даром небес, – томно проворковала я. – Но я не хочу, чтобы вы страдали из-за своего благородства. Я постараюсь дальше справиться сама.

Дойти десять метров до общежития – не такая уж и сложная задача, тем более что дорожки совсем нескользкие, выложены аккуратными брусочками неизвестного камня. Да и столовую я уже заметила. Чем он еще мне может помочь, раз дарить все равно ничего не собирается?

– Мне не хотелось бы оставлять вас в такое тяжелое для вас время, – неуверенно возразил парень.

– Но вас же ждут, – напомнила я.

Ильма опять подергала его за рукав. Зря она это делает. Мантия старенькая, держится на последнем издыхании, того и гляди порвется. И случись что, кому придется зашивать? Рукав пока на месте, но, судя по всему, ненадолго. Я послала Серену последнюю улыбку и развернулась в сторону общежития. Ведь он не единственное мужское лицо в этой Академии, нужно же и другим шанс дать. Вдруг кто бесхвостый попадется?

– Лисандра, я к вам потом зайду, узнаю, как вы устроились! – только и крикнул он вслед.

В мантии идти получалось не столь эффектно, как могло бы быть в более подходящей одежде, но я уверена: смотрел он на меня, пока я не скрылась за

дверью общежития. Чисто из мужской любознательности – ведь он так и не выяснил, в каком месте у меня короткие ноги.

Холл общежития был мрачен и недружелюбен. Серые стены украшались исключительно табличками с правилами проживания, никаких тебе цветочков на тумбочках, ярких занавесочек и ковриков на лестницах. И владелица этого места выглядела тоже не очень дружелюбно. Нет, сначала я надеялась на лучшее и, стоя перед дверью с табличкой «Комендант общежития Факультета Земли И. Гримз», нацепила самую счастливую и доброжелательную улыбку, которая нашлась в моем арсенале. Но как только я увидела за столом эту очкастую тетку в возрасте «молодость уже помахала на прощание ручкой, а старость где-то по дороге задержалась пропустить парочку стаканчиков прохладительных напитков», я сразу поняла, что не сложатся у нас хорошие отношения. Почему-то я совсем не нравилась таким особам, сколько я им ни улыбалась и ни говорила разнообразных комплиментов. Зато такие, как Ильма, моментально находили ключик к их сердцу. Но не устраивать же из себя пугало ради таких ключиков? К чему мне сердце комендантши, если я здесь ненадолго?

– Что вам угодно, фьорда? – холодно спросила она, глядя поверх очков.

– Мне угодно заселиться в подведомственное вам общежитие, фьордина Гримз, – со счастливой улыбкой ответила я.

«Повторяйте почаще имя вашего собеседника, – говорила моя бабушка, – и он непременно проникнется к вам теплыми чувствами. Ведь ничего более приятного для слуха, чем звучание родного имени, просто быть не может». Я, конечно, почти не надеялась, что этот проверенный на мужчинах метод на нее подействует, поэтому почти не расстроилась, когда она скривилась, как будто от зубной боли.

– А где вы были целый месяц, фьорда?

– Меня только сегодня зачислили, фьордина Гримз.

Я всячески показывала, как я рада быть рядом со столь достойной особой, но она лишь хмуро смотрела и совсем не торопилась проявлять ответные чувства. Она окинула меня неприязненным взглядом, и я в первый раз за сегодня порадовалась, что на мне эта несуразная мантия, которая хоть немного

услаждает взор достойной фьордины.

– Где ваши вещи?

– У меня совсем ничего нет, фьордина Гримз, – подпустила я слезу в голос. – В результате трагической несправедливости у меня осталось только то, что на мне.

Мое бедственное положение нашло все же отклик в ее сердце, и выглядела она теперь не такой суровой. Фиффи благоразумно не высовывался. Да и смотреть там ему не на что: этой достойной особе хвоста не досталось, в чем я убедилась, когда она с кряхтением вылезла из-за стола и прошла к ближайшему шкафу, из которого вытащила комплект постельного белья с единственным украшением в виде замечательных темно-серых печатей с вензелями Академии. Я невольно взгрустнула: кто теперь спит на моих подушечках в наволочках синьского шелка с ручной вышивкой?

Выделили мне комнату за номером 328, замок на двери комендантша лично настроила на меня, и теперь, чтобы открыть, достаточно только руку поднести. Я горячо поблагодарила ее за помощь и приотворила дверь. Это нехитрое действие вызвало целую песчаную бурю в помещении: все было щедро усыпано пылью, очертания мебели угадывались с трудом, а в одном из углов даже висела паутина, правда тут же осиротевшая по вине Фиффи, который решил, что если ценный животный белок сам лезет, то им можно заесть неприятную железяку.

– Фьордина Гримз, здесь совсем не убирали, – обвиняюще сказала я, потом чихнула, что подняло еще больше пыли в воздух. В результате расчихались мы уже обе.

– Так здесь давно никто не жил, – шмыгнула носом комендантша и сделала шаг назад в коридор.

– А теперь живу я, – намек был очень прозрачный, но эта достойная дама смотрела непонимающими глазами, так что пришлось уточнить: – Когда вы пришлете горничную для уборки, фьордина Гримз?

– Кого?

– Горничную, – укоризненно повторила я. – Здесь же убрать нужно.

– Студенты убирают самостоятельно, – с явной насмешкой ответила она. – Курсы постарше обычно магией, а вы можете взять ведро и тряпку в бытовой комнате в конце коридора. Всего хорошего, фьорда Берлисенсис. Да, и чтобы не вздумали мужчин водить.

После этого она развернулась и оставила меня в совершенно бедственном положении посреди коридора. Положим, тряпку и ведро в бытовой комнате я найду, но что с ними потом делать?

Я задержалась на пороге комнаты еще немного, не решаясь зайти в это пыльное сонное царство, но Грымза как бросила меня без поддержки, так и не подумала вернуться. Я давно уже заметила, что женщины совсем не такие отзывчивые, как мужчины, особенно если они сразу относятся к тебе с предубеждением. Но стоять на одном месте в моей жизненной ситуации попросту глупо, так что я сделала несколько осторожных шажков и вошла внутрь. Большинство заклинаний по уборке относились к стихии Воздуха, способностей к которой у меня совсем нет, и единственное известное мне магическое слово из этой области было по экстренной чистке одежды. Совершенно необходимое слово, ведь близкие подруги бывают так неуклюжи и то и дело опрокидывают на тебя то бокал с прохладительным напитком, то креманку с мороженым, то канапе с жирной рыбкой, особенно когда их внимание полностью поглощено симпатичным лицом мужского пола. Я невольно вздохнула. Близкие подруги? Все они остались там, в прошлой жизни, никто не захотел со мной даже встретиться, не то что протянуть руку дружеской помощи. Разве что Антер, да и тот совсем не руку хотел протянуть, а если и руку, то совсем не дружескую...

Постельное белье я так и продолжала держать – положить его некуда. Даже когда удалось подцепить дверцу шкафа, на которой, конечно же, не оказалось ручки, выяснилось, что там тоже можно устраивать клумбы. Фиффи заинтересованно вращал листочками во все стороны, посчитав, видимо, что это его новый домик, на вырост, и полностью этим удовлетворившись. А вот мне в таких условиях жить не хотелось, а то и впрямь корни пущу. И я подумала: если заклинание чистит одежду, возможно, оно справится и с кроватью? Так и получилось: через пару минут на полу валялось несколько компактных шариков пыли, кровать сияла чистотой, а я взмокла от тяжелейшего труда по уборке, настолько вымоталась, что даже руки задрожали и во рту пересохло. Нельзя так над собой издеваться – от этого, говорят, появляются морщины и волосы

перестают блестеть.

Я положила свою ношу на кровать и решила, что на сегодня работы хватит. Может, Серен вечером подойдет и поможет или еще кто-нибудь найдется. Для уборки явно нужен кто-то с белой мантией – с факультета Воздуха. Где бы его только найти? И тут меня осенило: в столовой! Наверняка все студенческие дороги ведут туда. А дрожу я не только от непосильного труда, но и от голода: два дня не есть – это же и умереть можно. Я деловито захлопнула дверь и торопливо побежала в примеченное по дороге питательное заведение – совмещать полезное с приятным, которые перепутались друг с другом в столь тесный клубок, что разобрать, что для меня сейчас было полезным, а что – приятным, я никак не могла.

Глава 3

В столовой оказалось пустынно, лишь одна девица в такой же мантии, как у меня, лениво ковырялась в тарелке. В сравнении с Ильмой она явно выигрывала: хоть волосы у нее тоже черные, но ухоженные и блестящие, губы пухленькие и увлажненные, на щеках румянец явно искусственного происхождения, глаза аккуратно подведены. Вот ее обозвать лучшей ученицей курса точно никто бы не посмел. У меня даже некоторая гордость за факультет появилась. Нужно познакомиться с ней поближе, наверняка найдем много общих тем...

Но сейчас меня беспокоили более насущные проблемы. В столовой пахло так, что рот невольно наполнился слюной, а Фиффи занервничал, перебирая листочками и пытаюсь указать нужное направление. Но раздачу еды я бы сейчас нашла и с закрытыми глазами. Жалко только, что бесплатно можно взять лишь одну порцию, зато есть выбор из нескольких вариантов.

– Какой у тебя спутник миленький, – с восхищением сказала раздатчица, – а то сюда больше с гадостью какой норвят зайти, особенно эти черномантийники.

Фиффи довольно зашелестел и ласково погладил верхними веточками такую добрую фьордину, нижними же накрыл лоток с мясной подливкой. Да, думаю, по сравнению со спутниками некромантов, а именно они традиционно носят черные мантии, мой – сама вежливость и красота. Зубы-то он показывает не всем. Я

вежливо улыбнулась раздатчице, но взгляд мой то и дело опускался к НЕЙ – к ЕДЕ, и эта добрая женщина сразу поняла чужую нужду и с участливыми словами наполнила тарелки. Салат со свежими овощами, грибной суп-пюре, картофельные ломтики с котлетой и компот так и просились в рот. Правда, вместо плебейской котлеты я бы предпочла мясную подливку, но после того, как в ней побывал Фиффи, ловить там уже наверняка нечего: все его нижние листья цепко сомкнулись, храня и переваривая посланную небесами пищу.

– Доброго дня! – Я поставила свой поднос поближе к одинокой софакультнице и счастливо улыбнулась.

– Как он может быть добрым, если ты ешь трупы? – мрачно ответила она.

Я чуть не подавилась супом, ложку которого уже успела положить в рот. Суп плюхнулся в желудок, но тут же запросился обратно, а я с огромным подозрением начала изучать еду на подносе, но ничего, хотя бы отдаленно напоминающего труп, так и не нашла.

– Это ты сейчас о чем? – спросила я на всякий случай.

– О невинноубиенных тварях, мясо которых вы все здесь едите. – Она ткнула вилкой, на которой застрял салатный лист, в мою котлету.

– Мы их хотя бы мертвыми едим, – возразила я. – А ты свою еду заживо мучаешь.

– Что? – округлила она изумленно глаза.

– Когда последний раз я ждала приема косметолога, – жевать и говорить, конечно, неприлично, но не в моем положении пренебрегать новыми знакомствами, – статью прочитала в одном из журнальчиков, что на столике валялись. Там пишут, что растения все чувствуют и, когда ты терзаешь лист вилкой, ему очень больно, а срывая его со стебля, заставляешь медленно умирать. Вот.

Суп оказался весьма неплохим, желудок удовлетворенно рыкнул и приступил к работе, а я придвинула к себе тарелку с котлетой.

– Какой ужас! – Моя новая знакомая с отчаянием смотрела на вилку, не зная, как же поступить с мучающимся растением. – И что же теперь делать?

Фиффи прошелестел что-то неодобрительное, но не слишком громко, вел он себя на удивление спокойно, того и гляди впадет в сон.

– Не переживать из-за ерунды, – пожала я плечами. – Кстати, в этой котлете и мяса-то как такового нет.

Да, Фиффи знал, что выбрать. Цветочек приник ко мне всеми веточками и уже слабо реагировал на окружающий мир.

– Думаешь? – Девушка с сомнением посмотрела в мою тарелку, но решила дальше тему не развивать. – А почему я тебя раньше не видела?

– Меня только сегодня приняли, – гордо заявила я. – Лисандра Берлисенсис. Можно просто Лисси.

– Из тех самых Берлисенсисов? – со священным трепетом в голосе спросила она. – Которых за заговор против короны недавно арестовали?

Да, наша семья входит в десятку богатейших, нас все знают. Я уже успела гордо подбочениться на первой половине фразы, но вторая выбила из меня спесь тут же, и я просто молча кивнула. Теперь-то у нас ничего не осталось. Да и семьи как таковой нет...

– Елена Чиллаг, – представилась фьорда.

– О-о, – заинтересованно протянула я. – Ювелирный дом «Чиллаг, Чиллаг и Торрибо»?

– Ну да. – Она встряхнула головой, и бриллиантики, ранее мной не замеченные, заиграли в ее ушах всевозможными оттенками. – Кстати, папа считает, что с арестом твоей семьи не все так просто.

– Я не хочу об этом говорить, – предупредительно улыбнулась я.

Ни говорить, ни думать. Потому что, если я начинала думать на эту тему, в голову лезли самые печальные мысли, а задерживаться на них нельзя. Мне и так было плохо и одиноко. Я выбросила из головы все вредные мысли, а то слезы уже подступили к глазам и норовили пролиться бурным потоком. Но позволить себе проявить такую слабость в общественном месте? Перед совершенно посторонней фьордой? Мы, Берлисенсисы, никогда не рыдаем на публике, нам воспитание не позволяет. Я опять нацепила самую сладкую улыбку, которая у меня получалась.

Торговцы, пусть даже и такие богатые, как Чиллаг, совсем не ровня нам, урожденным аристократам, и в обычной жизни мы вряд ли когда-нибудь встретились бы, и Елена это прекрасно понимала, вцепившись в меня с жадным любопытством, выпрашивала мельчайшие подробности моей жизни. Я тоже даром времени не теряла – заручилась ее обещанием отдать набор косметики, подаренный старшим братом. Братья вообще не разбираются в оттенках, которые подходят сестрам, им лишь бы наборчик казался дорогим и красивым, а для блондинки, брюнетки или рыжей – так какая, в сущности, разница? Старший брат на факультете воздуха тоже говорил в пользу моей новой подруги. Был он пока не женат, как я ненавязчиво выяснила, а деньги в семье Чиллаг точно есть. Учились они наверняка платно, иначе кто бы их сюда взял, с таким низким уровнем дара? Правда, брата я пока не видела, но что-то мне подсказывало, что с ним тоже все обстоит так же. Наши торговцы стремятся дать детям образование в престижных заведениях, чтобы потом небрежно упоминать в разговоре, что сын учился с таким-то отпрыском известной фамилии.

– А почему в столовой так пустынно? – лениво спросила я, допивая компот.

Мне было сейчас так хорошо, что даже мысли о собственной грязной комнате не портили настроения. Первый раз за несколько дней не надо было думать, где взять хоть немного еды.

– Эти трупоеды, – начала Елена, посмотрела на меня, сбилась и продолжила: – Эти мясоеды празднуют получение первой стипендии. В гномской шашлычной, представляешь?

В голосе ее опять зазвучали трагические нотки. Невинно замученный и подвергнувшийся пыткам салатный лист был уже забыт.

- Стипендия? – встрепенулась я. – Ее сегодня дают?

- Ну да, – подтвердила она.

Это же праздник какой-то! Деньги – это то, что мне нужно просто очень срочно! Боги явно услышали мои молитвы. Правда, я только собиралась сходить в храм, но, видно, они оценили уже само намерение.

- Где?

- Где обычно, – невозмутимо ответила Элена, посмотрела на мое обиженное лицо и поправилась: – В нашем корпусе на втором этаже.

- Спасибо, – сказала я, торопливо вставая из-за стола. – Скоро увидимся.

Фиффи после обеда ужасно потяжелел, и я решила сначала отнести его в свою новую комнату, пусть спокойно переваривает добытое, а то если он покусится в кассе на святую целостность кассира, то стипендии мне не видать. Когда я его перекладывала на лежанку, он лишь сонно прошелестел что-то и замер, в полном блаженстве распластавшись на собранной пыли. Я погладила его по веточкам и заторопилась на выход. Мало ли, кассир посчитает, что больше никому стипендия не нужна, и уйдет, а я останусь без денег на неопределенное время. Вдруг касса только раз в месяц открыта?

Мантия неприятно путалась в ногах, когда я поднималась на второй этаж в корпусе магии Земли. На редкость отвратная тряпка, я просто удивлена, что студенты до сих пор не возмутились по этому поводу: мало того, что все носят одежду одного фасона, так он еще никогда не меняется. Это же ужас какой-то! Кассирша скучала в полном одиночестве, что порадовало, очереди за своими деньгами я бы сегодня не выдержала. Счастливо улыбаясь, я протянула ей свой жетон:

- Доброго вам дня, фьордина. Это у вас стипендию выдают?

- И вам доброго дня, – жизнерадостно ответила она мне, проводя моим жетоном по какому-то устройству. – Выдают у нас, но на вас ничего нет.

- Как это нет? - растерялась я. - Не может такого быть. Проверьте еще раз.

Она провела еще раз, но реальность оказалась все так же жестока. Подумать только, я уже целых два часа как студентка академии, а декан до сих пор не озаботился внести меня в нужные списки. Это полное пренебрежение своими обязанностями и ущемление моих прав! пылая праведным гневом, я поднялась еще на один этаж. Как мог этот наглый хвостатый тип так безобразно со мной поступить?

- У вас какие-то проблемы, фьорда? - недовольно спросил он.

- Да, проблемы! - обвиняюще сказала я. - Мне не выдают стипендию.

Посмотрела я при этом на него очень выразительно, другой бы на его месте сразу же покраснел и бросился исправлять столь вопиющую несправедливость, но этот даже ухом не повел!

- А почему вам ее должны выдать? - невозмутимо спросил он.

- Как почему? Я же студентка вашего факультета, - уверенно ответила я и даже жетоном своим перед его носом потрясла, а то вдруг он уже забыл.

- Видите ли, фьорда, - все так же холодно сказал он, - стипендию дают за прошедший месяц, когда вы у нас еще не учились.

- Как это за прошедший? - пораженно спросила я. - Но я... Мне стипендия необходима! И даже не просто стипендия, а повышенная!

Должен же он понять, что я не могу прожить на жалкую подачку, в отличие от привыкших к нищете плебеев? Мне нужна надбавка, как... как пострадавшей от Суржиков, вот! Он их так не любит, что мог бы назло им мне доплачивать. Даже из своего кармана, чтобы им хуже было! Я ослепительно улыбнулась, пытаюсь внушить собеседнику эту нехитрую мысль. К сожалению, мысль не внушалась: с ментальной магией у меня совсем плохо.

- Возможно, после первой сессии одна из повышенных стипендий станет вашей, - но смотрел он так, будто сильно в этом сомневался.

– Но мне сейчас нужно! – напористо сказала я. – У меня вообще ничего нет. Мне даже зубную щетку купить не на что, не говоря уж о других жизненно необходимых мелочах. А вы еще горшок Фиффи разбили. Вы просто обязаны мне помочь!

Он с тяжелым вздохом вытащил из кармана немного монеток, пересчитал (вот ведь жмот какой!) и высыпал на стол:

– Этого на мелочи должно хватить. Думаю, за месяц вы отработаете.

Я смотрела на эти жалкие гроши и чувствовала, как злость поднимается и затапливает все перед моими глазами темной пеленой. Отработаете? Да чем он лучше этого гадкого Нильте? И слово-то какое отвратительное нашел для принуждения, ведь знает, что мне деваться некуда, я даже за территорию академии не могу выйти, мало ли что в голову бывшему жениху придет с расстройства, что остался без меня.

– А вы не считаете, фьорд Кудзимоси, что этого слишком мало? – процедила я, погромыхая льдинками в голосе не хуже своего собеседника.

Когда надо, я могу быть очень неприятной. А уж когда меня оскорбляют подобным образом, пусть пощады не ждут. Отработаете... Вот ведь гад какой! Мало его Фиффи погрыз! Нужно было не просто погрызть, а сгрызть все до основания!

– Работницы оранжереи больше не получают, – ответил он мне с явным удивлением.

– Оранжереи? – растерянно спросила я.

– К этому времени других рабочих мест для студентов при Академии нет, – пояснил он. – Я могу, конечно, одолжить вам и большую сумму, но вам ее придется отдавать дольше.

Меня не порадовало даже то, что я ошиблась в отношении его намерений, поскольку он просто попытался заткнуть мной место, куда никто не захотел пойти. Я посмотрела на скромную денежную кучку на столе и расстроилась еще

больше. За такую месячную зарплату не то что работать нельзя, за нее вообще мстить нужно!

– А какие-нибудь подъемные в связи с тяжелым материальным положением мне не положены? – я просительно улыбнулась.

Перспектива тащиться в оранжерею и тратить там свое свободное время совсем не привлекала. Мне нужно искать мужа, а в оранжереях они не растут и даже случайно туда не заходят! А из цветочков мне пока вполне хватает Фиффи, других я не переживу, особенно если они тоже кусаются.

– Вас приняли посредине семестра, – недовольно ответил Кудзимоси. – Исходя из вашего тяжелого положения. И я готов вам одолжить некоторую сумму. Уверен, этого вполне достаточно, если вы действительно собираетесь учиться.

Я начала его горячо убеждать, что это именно так, а то отберет сейчас жетон, и все – прощай островок спокойной жизни. Вон как кривится, как будто перед ним сидит не молодая красивая фьорда, а нечто вроде Грымзы, которая сначала выделила самую грязную комнату, а потом заставила в ней убираться. Появившиеся мысли пожаловаться на комендантшу я благоразумно отмела, поскольку почему-то показалось, что на мою сторону эта хвостатая ледышка не встанет.

– Учебники вы получили? – прервал он мои заверения о жажде знаний.

– Пока времени не было, – ответила я.

– Вот как? Время пойти в кассу за стипендией вы нашли, а время пойти в библиотеку – нет? – гадко спросил он.

– Понимаете, фьорд Кудзимоси, – умильно улыбнулась я. – Книги – они такие тяжелые. Мне никак столько не донести.

– Другие как-то справляются, фьорда Берлисенсис. Или вы хотите, чтобы в библиотеку с вами сходил я?

– Это было бы так благородно с вашей стороны, фьорд Кудзимоси. – Я немного растерялась. Неужели мои улыбки пробили эту ледяную броню? – Моя благодарность вам была бы безграничной.

В глазах его промелькнуло что-то странное, губы превратились в тонкую ниточку, по скулам заходили желваки, даже правое ухо дернулось. Я сжалась на стуле, недоумеваю, что же его так расстроило. Он же сам предложил помочь, почему бы мне и не согласиться?

– Фьорда Берлисенсис, я уже начинаю жалеть о своем необдуманном поступке, касающемся вашего зачисления, – сказал он, четко выделяя каждое слово. – Если завтра вы не появитесь на занятиях, у меня будет веская причина вас отчислить. Можете быть свободны. Надеюсь, время на посещение библиотеки вы сегодня найдете.

Из кабинета я выходила совсем расстроенная, с запиской в оранжерею и жалкой денежной подачкой, которой даже на нормальную тушь не хватит, а ведь предполагалось, что эти деньги я должна растянуть на весь ближайший месяц! Да как на них вообще прожить можно? Я оглянулась на негостеприимный кабинет и грустно вздохнула. Что делать, придется в оранжерее протраждать хотя бы месяц, исключительно из уважения к декану.

В библиотеке было пусто и уныло. Длинные ряды книг навевали ужасную тоску. А ведь еще придется отсюда что-то взять с собой. Надеюсь, на первом курсе учебников мало и они тоненькие. Очень тоненькие. Листиков на двенадцать-восемнадцать. Больше-то на первом курсе не усвоишь, должны же это понимать преподаватели. Приободренная такими мыслями я радостно улыбнулась пожилой библиотекарше в потертой мантии и с неаккуратным пучком седых волос на затылке.

– Доброго вам дня, фьордина, – зашебетала я. – Мне бы учебники получить. Первый курс. Факультет Земли.

– Доброго дня, фьорда. Поздненько вы за учебниками пришли, – смирила она меня суровым взглядом.

– Я только сегодня поступила – и сразу к вам, – не сдавалась я.

– Только сегодня? – Она в деланом удивлении подняла брови, которых не касался ни один пинцет, но которые явно в этом нуждались, особенно правая. – У нас принимают посередине семестра?

Мне всегда казалось, что библиотекари должны выдавать книги, а не лезть в чужую личную жизнь и не обсуждать приказы начальства. Но, видно, этой достойной фьордине делать совсем нечего: гномья шашлычная сегодня для студентов оказалась намного привлекательней библиотеки.

– Для меня сделали исключение, – пояснила я, улыбаясь так радостно, как будто всю свою жизнь мечтала очутиться в этом пыльном помещении, заваленным книгами.

Она еще раз смерила меня взглядом и отправилась в поход между стеллажами. Приносила она по одной-две книги, и по мере того, как росло их количество, меня охватывала паника. «История Магии», «Травология», «Астрономия», «География», «Геология», «Минералогия», «Геоэкология»... И все они ужасно, просто неприлично толстые. Я-то думала, что в магическую академию поступила, но ни одного учебника, касающегося именно магии, не было. Ой, нет, было. Огромный трехтомник «Теория магии» увенчал и без того немаленькую стопку.

– Фьордина, а вы ничего не перепутали? – осторожно спросила я, когда она подошла в очередной раз с какой-то тоненькой книжицей.

Все же женщина уже в возрасте, когда могут быть проблемы с памятью. Да что там могут быть, наверняка есть. И как только ее одну оставили?

– И что я, по-вашему, перепутала? – недоуменно спросила она, окинув взглядом корешки принесенных ею книг. – Факультет Земли, первый курс. Все правильно.

– Но здесь же почти ничего нет про магию! – с невольным возмущением в голосе сказала я. – К чему мне какая-то там геология?

– Фьорда, а вы думали, что вас сразу заклинаниям будут учить? – усмехнулась она. – Нет, милая, для таких вещей нужна база, основы которой дают на первом курсе. Без усвоения этого всего вы не сможете правильно построить заклинание и, как результат, нанесете вред себе или окружающим.

– А есть то же самое, только в кратком пересказе? – обреченно спросила я.

Но библиотекарша только хихикнула и отправилась за новой партией книг. И тут я поняла, на что подписалась. Если я не буду это учить, то Кудзимоси выгонит меня без всякой жалости, а если буду... Да мне все это в жизни не осилить! Как, скажите на милость, все это поместится в мою бедную голову? В ней и места столько нет. Похоже, я начинаю ненавидеть это учебное заведение от всей души.

– Ну вот, весь комплект на первый семестр собран, – торжественно сказала фьордина и водрузила еще два учебника поверх и так весьма приличной стопки.

– «Основы Этики» и «Культурология»? – с удивлением прочитала названия. – А это еще зачем? Ладно геология, я еще могу понять, зачем она нужна магам Земли. Но Этика-то к чему?

У меня возникло глубокое убеждение, что библиотекарь попросту надо мной издевается. Сейчас всучит книги, которые годами лежали ненужными, и таскай их потом туда-сюда, пока мышцы как у Антера не разовьются.

– Видите ли, фьорда, – высокомерно пояснила она, – наши выпускники занимают самые высокие должности и должны им соответствовать. Возможно, Этика и Культурология и не самый важный предмет для магов Земли, но уметь поддержать светский разговор они обязаны.

«Что ж, по этому предмету высший балл мне обеспечен», – промелькнула радостная мысль. По этикету и светским манерам меня натаскивали с раннего детства, бабушка крепко вдолбила мне в голову, что можно, а что нельзя делать девушке из благородного семейства. Да и в искусстве я неплохо разбираюсь. У нас самая большая коллекция картин в столице... была. Тут я вспомнила, что коллекцию конфисковали вместе со всем имуществом, и настроение опять упало. Я еще раз уныло осмотрела гору учебников. Да, с таким набором предметов я могу не пережить первую же сессию. Поиски надежного плеча становились все более актуальными.

Библиотеку я покидала, буквально сгибаясь под грузом будущих знаний. Нет, не над тем трудятся наши маги. Нужно придумать что-то такое, чтобы сразу

помещать в голову. Приставил к виску кристалл и впитал весь справочник, к примеру. Ведь в Академии целый факультет менталистов, что бы им не разрабатывать такую перспективную тему? Придумать методики, провести эксперименты. Жаль, что мне это в голову не пришло, когда Антер еще был моим женихом – он ведь как раз там учился, мог бы и заняться чем-то полезным вместо того, чтобы мантию просиживать в дядином ведомстве. Суржики, фамилию которых в девичестве носила фьордина Нильте, моя бывшая будущая свекровь, вообще были сильными менталистами и всегда стояли на страже интересов короны, что постоянно подчеркивал Антер. Семейой матери бывший жених гордился больше, чем собственной.

По коридору я шла, слегка покачиваясь. Не предназначены шпильки для переноса тяжестей, и я начала опасаться, что одна из них или даже обе подломятся и останусь я босой, в самом прямом смысле этого слова. С одной стороны, хорошо, что к униформе в виде этой ужасной линялой мантии не прилагалось на ноги что-то не менее ужасное и растоптанное поколениями студентов, а с другой стороны, еще одна пара обуви мне бы сейчас не помешала. Но денег все равно не хватит, придется беречь то, что есть. Так, учебники нужно срочно на кого-нибудь перегружать, мои шпильки двойной нагрузки не вынесут, вполне достаточно, что они несут меня. Я вытянула шею и призывно осмотрела коридор, но там было пусто, как ночью на кладбище. Что ж, будем двигаться мелкими перебежками. Надеюсь, кто-нибудь по дороге попадется...

Но не успела я повернуть к лестнице, как в меня врезался незнакомый фьорд, довольно молодой, но уже в преподавательской мантии. Он начал сбивчиво извиняться, попутно собирая книжки, которые при столкновении рассыпались, и явно собирался всунуть мне поднятые учебники и уйти, хотя я на него совсем не обиделась, что и подтверждала моя ласковая улыбка. Преподаватели в Академии получают почти как офицеры в Армии, а этот молодой и бесхвостый, пренебрегать таким шансом никак нельзя. Видно, мое природное обаяние на него подействовало, так как он вдруг неуверенно улыбнулся в ответ. Я смущенно потупилась, изредка кидая на него заинтересованный взгляд, хотя ликованию моему не было предела. Это же успех! Теперь нужно как-нибудь выяснить, не успел ли кто-нибудь прибрать к рукам такое сокровище. А то преподавателей мало, поди очередь за ними стоит, если уж к нашему декану и то девушки липнут, по словам Серена. Но в семье Берлисенсис межрасовые браки не поощряли, так что фьорд Кудзимоси никак не мог быть для меня желанной добычей. У него и расу-то определить нельзя...

– Фьорда Берлисенсис? – полуутвердительно спросил этот привлекательный во всех отношениях тип, который налетел на меня сам.

– Да, – немного удивленно ответила я.

– Мартин Хайдеггер, – представился он, слегка наклонив голову в знак приветствия.

По фьорду было видно, что он хотел бы все сделать как подобает, но стопка учебников, перекочевавшая с пола к нему в руки, не давала такой возможности. Наверное, «Основы этики» и «Культурология» были его любимыми предметами во времена студенчества. Как бы еще правильно намекнуть, что воспитанные люди доносят девушкам тяжести до комнаты? Руки я уже предусмотрительно убрала за спину, но некоторым требуются более внятные намеки...

– Я куратор группы вашего брата, – заявил он. – Серен рассказал о вашем поступлении в Академию и бедственном положении. Я как раз раздумывал, как бы вас найти, чтобы оказать хоть какую-то помощь. Наверное, это боги поспособствовали нашей встрече!

– Это так великодушно с вашей стороны, – растрогалась я.

Упоминание о божественном провидении оказалось как нельзя кстати, теперь нужно укрепить в нем эту мысль и развить до нужного уровня. Впрочем, узнать, что кто-то в этом мире обо мне беспокоится просто так, не собираясь ничего получить взамен, оказалось неожиданно приятно. Я послала фьорду на этот раз самую что ни на есть искреннюю улыбку.

– Это самое меньшее, что мы можем сделать для сестры нашего Бруно, – участливо сказал он. – У нас никто не верит, что ваш брат замешан в таком грязном деле, как заговор против короны. Да более открытого человека, чем Бруно, и представить себе трудно!

Ему удалось задеть меня за живое. Я так старательно пыталась об этом не думать, все равно семье ничем помочь не могу, слишком там всего много на них. Даже странно, что меня после допросов выпустили.

– Я бы тоже не поверила, – я старательно задавливала в себе всхлипы, но один все же прорвался, – но там столько свидетельских показаний...

– Так их подделать можно, – внезапно сказал фьорд Хайдеггер. – Доносчику половина состояния того, на кого донес, отходит, а оно у вашей семьи немаленькое. У нас весь факультет уверен, что так оно и было. Вы не знаете, кто донес?

– Нет, – покачала я головой, улыбаясь уже довольно жалко. Трудно держать улыбку на губах, когда плакать хочется, но я Берлисенсис, я справлюсь. – Мне ничего об этом неизвестно. Мне только зачитывали выдержки из показаний.

– всю мою группу постоянно таскают на допросы, – возмущенно сказал Хайдеггер, – хотя все, что они могли рассказать, уже рассказали. Я уверен, что ваш брат невиновен. Да что я? У нас весь факультет в этом уверен. Не мог Бруно Берлисенсис на такое пойти!

– Не мог, – как эхо повторила я.

Ни Бруно, ни папа с мамой, ни бабушка – никто из них не мог...

– И главное, нам тоже ничего не объясняют, – продолжал он негодовать, – только туманные, ничем не подтвержденные намеки. Даже ректору ничего не сказали, хотя Бруно был гордостью нашей академии...

И я поняла, что еще немного разговоров на эту тему – и лицо удержать уже не удастся. А это такой позор, так недостойно нашей семьи. Бабушка была бы недовольна.

– Фьорд Хайдеггер, вы говорили о том, что хотите мне помочь, – напомнила я.

– Фьорда Берлисенсис, всем, чем смогу, – горячо ответил он, даже попытался приложить руку к сердцу, из-за чего часть книг опять оказались на полу.

Такими темпами знаний мне не достанется – развалятся по листочкам и унесутся с попутным ветром. А ведь учебники наверняка придется сдавать. Боюсь, библиотекаря не оценит, если я попытаюсь ей вернуть сильно сокращенные

варианты выданных книжек.

– Помогите мне донести учебники до комнаты, – улыбнулась я по возможности обворожительно. – А то они такие тяжелые, что я просто боюсь сломаться под их весом.

– Извините, как это я сам не догадался, – смутился он и повернул к лестнице. – В самом деле, такой хрупкой фьорде, как вы, это должно казаться неподъемной тяжестью.

По дороге в общежитие мы говорили о чем угодно, только не о моей семье, и я даже успела успокоиться и начала обдумывать, как бы выяснить ситуацию с личной жизнью Мартина. А то потрачу на него время и обаяние, а он окажется давно и счастливо женат. И к чему он мне тогда? Я девушка из приличной семьи, мне женатые мужчины без надобности, а времени у меня не так много – только до первой сессии. Но мои осторожные наводящие вопросы отклика не находили, о себе он ничего не говорил. Так мы и дошли до моей комнаты, а я ничего о нем и не узнала. А стоя перед собственной дверью, я внезапно поняла, что пускать его туда ни в коем случае нельзя. Неподготовленный человек и в обморок может упасть от неожиданности, правда, падать ему будет мягко, но что он потом подумает о девушке, у которой в комнате творится подобное безобразие?

– Фьорд Хайдеггер, я вам так благодарна за помощь, – зашебетала я, обворожительно улыбнулась и попыталась забрать у него стопку учебников. – Я не хотела бы вас более утруждать.

Но не тут-то было, учебники он отдавать ни в какую не хотел, даже отстранился немного и посмотрел весьма укоризненно.

– Фьорда Берлисенсис, поверьте, мне совсем не трудно донести до вашего стола эти книги.

– Право, не стоит, – запротестовала я и попыталась опять отнять у него полученное в библиотеке.

– Фьорда Берлисенсис, – покачал он головой, – вы же с таким грузом даже дверь не откроете.

Тут он, несомненно, был прав. Я провела рукой по двери, отпирая замок, и повернулась к своему спутнику со счастливой благодарной улыбкой, намереваясь забрать свои знания, с которыми Мартин уже сроднился, не иначе. Но он невозмутимо оттер меня и прошел внутрь. Я даже глаза закрыла от ужаса, не желая видеть выражение его лица.

– Оу, фьерда Берлисенсис, – протянул он, – понимаю, почему вы не хотели меня пускать внутрь.

Еще бы он не понял. Там в комнате в любой части можно устраивать грядки, и урожай обеспечен. Пожалуй, на варианте «Хайдеггер» можно ставить большой жирный крест: больше всего мужчины не любят женской неаккуратности, и это непростительный прокол с моей стороны. Срочно нужно что-то придумывать с уборкой.

– Вы не хотели, чтобы я увидел, что у вас нет совсем никаких вещей, – продолжил Мартин. – Чтобы ваша гордость не пострадала. Фьорда Берлисенсис, вы удивительная девушка.

О чем это он? Неужели он мог что-то разглядеть за таким ужасающим слоем грязи, а саму грязь и не заметить? Я изумленно распахнула глаза. Комната сияла чистотой. Никаких паутин, никаких грядок на полке. Лишь в углу что-то типа клумбы, на которой блаженно вытянул веточки Фиффи. Я неверяще на него уставилась. Неужели это все он? Питомец почувствовал мое присутствие, лениво приподнял пару веточек в знак приветствия, которые тут же обессиленно упали назад.

– Какое миленькое у вас растеньице, – заметил Мартин. – Только вот, боюсь, правила проживания в общежитии требуют содержания их в горшках.

– А горшок фьорд Кудзимоси разбил, – не отводя взгляда от питомца, ответила я. – Очень недружелюбный декан на нашем факультете.

В моей голове никак не укладывалось, что Фиффи умудрился создать себе столь комфортные условия буквально из ничего. Нет, я всегда знала, что мужчины умеют устраиваться в жизни, но еще одно наглядное подтверждение этого факта совсем не внушало оптимизма.

– Фьорд Кудзимоси? Случайно, наверно. – Но не успела я опровергнуть эту попытку обеления наглого горшкоразбивателя, как маг заметил: – Впрочем, цветочку вашему не горшок нужен, а тазик. Кстати, у меня есть вполне подходящий. Я вам принесу. И что-нибудь из вещей посмотрю. Мне студенты недавно плед подарили, так и валяется в упаковке. Только не отказывайтесь, – торопливо сказал он.

Отказываться я не собиралась: не в моем положении гордо отбрасывать такие предложения, тем более что человек от чистого сердца хочет помочь. Я смущенно потупилась, делая вид, что только его просьба не отказываться помешала начать протестовать сразу.

– Фьорд Хайдеггер, я вам так благодарна. Только что на это скажет фьордина Хайдеггер, ваша жена? – в лоб спросила я, ибо другой случай узнать его семейное положение может нескоро представиться. – Ей это наверняка не понравится.

– Моя жена? – удивленно сказал он. – Какая жена? У меня даже невесты нет, а вы про жену.

– В самом деле? – обрадовалась я. – У такого привлекательного фьорда нет даже невесты? Куда только смотрят девушки на вашем факультете?

Вот пусть и продолжают смотреть туда же, все, этот фьорд им уже не достанется. Молодой привлекательный преподаватель – и до сих пор не женат? Впрочем, мнение об умственной полноценности студенток с факультета Огня у меня уже сложилось. Чего стоит одна подруга Серена, которая лучшая на курсе, но не знает о существовании такого достижения цивилизации, как расческа? А ведь после расчески еще столько полезных вещей изобрели...

– Вы находите меня привлекательным? – удивился Мартин.

Какой не испорченный женским вниманием фьорд! Это же просто подарок богов! Я с деланым смущением потупилась, бросая на него искоса короткие заинтересованные взгляды, легко пробивающие брешь в любой мужской защите.

– Конечно, и вы не только очень привлекательны, но и обладаете добрым сердцем, что сейчас такая редкость, – пылко сказала я.

Теперь смутился уже Мартин, правда по-настоящему, а не так, как я.

- Но я же еще для вас ничего не сделал, - запротестовал он.

- Почему? Вы помогли донести учебники. Знаете, сколько я бы с ними сюда добиралась? - Теперь в улыбку я постаралась вложить как можно больше заинтересованности. - И потом, вы не отвернулись от меня в трудную минуту, как сделали все мои знакомые.

- Все? - удивленно переспросил он.

- Никому не хочется общаться с девушкой из семьи государственных преступников, - напомнила я.

- Я уверен: вашу семью оклеветали, - пылко заговорил он. - Неужели у вас нет соображений по поводу того, кто это мог сделать?

Но я только грустно покачала головой. Соображения были, только вот озвучивать их я не считала возможным. Мне казалось, что здесь не обошлось без моего бывшего жениха и его любящего дядюшки. Мое приданое составляло, конечно, довольно приличную сумму, но было всего десятью процентами от того, чем владела семья, что и было записано в подготавливаемом брачном договоре. Но ведь пятьдесят процентов, которые получал доносчик, намного больше десяти, уж Нильте-то это наверняка подсчитал. В дом к нам он был вхож, подбросить компрометирующие материалы на семью труда бы не составило. А дядя, стоящий во главе столичной стражи, наверняка бы прикрыл его в случае неудачи. И то, что всех моих родственников арестовали, а меня отпустили «за недоказанностью», тоже прекрасно в это вписывалось. Ведь бывший жених хотел видеть меня не за решеткой, а в собственной постели...

Беседа наша прервалась требовательным стуком. Но я даже не успела сделать к двери ни одного шага, как она распахнулась и впустила маму Антера, Деллу Нильте. Весьма и весьма недовольную. Надо признать, что самым большим недостатком моего бывшего жениха я считала именно ее. Недовольной она была всегда, но сегодня - в особенности.

– Так и знала, – начала она возмущаться прямо с порога. – Не успела бросить моего бедного мальчика, как уже нашла себе другую жертву.

– Но позвольте, фьордина, это ваш сын от меня отказался, – удивленная таким напором, возразила я.

– А что, по-твоему, он должен жениться на бесприданнице из преступной семьи? Это бы сразу поставило крест на его службе! – припечатала она.

– Фьордина, вы не находите, что торопитесь? Суда еще не было, – напомнил Хайдеггер, на которого больше никто внимания не обращал и которому это не очень нравилось.

– Ничего, суд еще будет. И над этой мерзавкой тоже, – потыкала она пальцем в мою сторону. – Подумать только, так надругаться над чувствами моего бедного мальчика! Целитель сказал, ему теперь неделю сидеть нельзя!

Никогда не подозревала, что чувства у Антера находятся в таком специфическом месте. С другой стороны, Фиффи же не оставил его полностью бесчувственным, да и бывший жених сам виноват в случившемся.

– Вообще-то, это ваш мальчик на меня напал, – заметила я. – И если бы не помощь Фиффи...

При звуках своего имени питомец оживился и начал заинтересованно перебирать веточками. Судя по всему, то, что он добыл в столовой, уже успело усвоиться, а крепкий зад моей бывшей будущей свекрови невероятно манил его к себе.

– Эти магические выродки должны быть запрещены, – неуверенно сказала она, делая шаг подальше от Фиффи и поближе к двери.

Фиффи неторопливо покинул обжитое место и направился к ней.

– Я жалобу ректору напишу, – взвизгнула Делла и выскочила за дверь. – Это заговор. Нас, Суржиков, всегда пытаются извести, потому что мы – опора трона!

Но договаривала она уже за дверью. Фиффи разочарованно зашелестел и сделал движение в сторону Хайдеггера, но тот, видно, показался ему не столь вкусным, как Суржики, и питомец вернулся на свою лежанку, устроенную из найденной в комнате грязи. А фьордина Нильте еще немного поорала, чтобы я даже не надеялась залезть в постель к ее драгоценному сыночку, но устраивать скандалы без свидетелей и перед закрытой дверью неинтересно, поэтому вскоре она замолчала и мы услышали нервное удаляющееся цоканье ее каблучков.

– Вам повезло, – неожиданно сказал Мартин, а когда я недоуменно подняла на него глаза, продолжил: – Вы не успели выйти замуж за ее сына, она бы тогда вас точно съела.

– У меня есть защитник. – Я кивнула на Фиффи, который весь распластался на созданной им куче и даже веточками уже не перебирал.

– Неужели ваш бывший жених хотел вас... – Мартин замялся, пытаюсь подобрать приличное слово.

Да, приличным словом Антера назвать сложно, с этим я была вполне согласна, поэтому поспешила на помощь своему новому знакомому:

– Я не хочу об этом вспоминать, фьорд Хайдеггер, – подрагивающим от пережитого голосом сказала я. – Это было так ужасно, так ужасно. Нильте расторг помолвку сразу после ареста моей семьи, но мне никогда бы и в голову раньше не пришло, что он способен на... насилие. Но Фиффи успел вовремя, и я убежала.

Мартин во время моего сбивчивого рассказа смотрел с большим сочувствием, а потом сказал:

– Есть же такие негодяи. Ему так повезло, в невесты досталась такая прекрасная благородная фьорда. – На этом месте я смущенно потупилась, а как же иначе показать свою врожденную деликатность. – А он так гадко себя повел.

– Конечно, – горячо сказала я, – вы бы никогда так не поступили. Вы человек благородный, но он решил, что с девушкой из преступной семьи можно не церемониться. Я же теперь совсем одна, и защитить меня некому.

Дрожанье голосом удалось на славу, бабушка была бы довольна: никакого писка, все как раз на таком уровне, чтобы вызвать сочувствие, а не желание заткнуть уши и больше никогда не слышать.

– О-о, фьорда Берлисенсис, – растроганно протянул он. – Если бы я только мог надеяться, что вы примете мое предложение, вам бы никогда больше не пришлось бороться с этим жестоким миром в одиночку.

От изумления глаза у меня широко открылись. Это что, он мне сейчас предложил выйти за него замуж? Нужно срочно соглашаться, пока не передумал. Но что-то мешало ответить согласием сразу, просто внутренний барьер стоял, и все тут. Как-то неспортивно получилось, слишком быстро, никакого интереса. Ведь если я соглашусь, то нужно будет за него выходить – Берлисенсисы никогда не нарушают данное слово. А ведь ужасно подозрительно, что такой молодой и интересный фьорд до сих пор не женат и даже невесты не имеет. А вдруг у него какие дурные привычки или, не дай боги, кредит? Нет, прежде чем соглашаться, надо непременно все о нем разузнать. И потом, приличные девушки никогда не соглашаются на первое же предложение руки и сердца. То, что дается легко, – не ценится.

– Это так неожиданно, Мартин, ой, извините, фьорд Хайдеггер, – наконец сказала я, бросая в его сторону осторожный нежно-призывный взгляд.

– Нет, для вас я Мартин, – твердо сказал он.

– Тогда я для вас Лисандра, – улыбнулась я. – Вы мне очень нравитесь, Мартин, но я же не могу вот так. Я только недавно была помолвлена с другим фьордом. Да и вас я почти не знаю. Я чувствую, что вы человек необыкновенно хороший, – подсластила я ему горькую пилюлю, – но мне нужно время, чтобы прийти в себя. Я не в состоянии сейчас строить отношения с кем-либо.

– Извините, Лисандра, – смутился он. – Совсем об этом не подумал.

Я нежно затрепетала ресницами...

В оранжерею я летела как на крыльях. Такой успех, это надо же! Страх перед тем, что вновь окажусь на улице, где мне будет угрожать расправой Нильте, отошел куда-то далеко. От счастливого замужества меня отделяло только одно слово «да», с которым можно пока не торопиться: сессия еще не скоро, а до нее никто меня не отчислит, если я буду ходить на занятия.

Оранжерея факультета Земли прекрасно просматривалась с любой точки академии – несколько огромных стеклянных куполов, связанных между собой переходами. Под каждым куполом создавались свои условия для определенных групп растений, которые использовались в магической практике. Размер сооружений впечатлял, и я очень надеялась, что там уже достаточное количество подсобных рабочих и без меня, а мне выделят маленькую грядочку, с которой я вполне способна справиться.

Заведующая оранжереей, фьордина Симона Вейль, моему приходу не обрадовалась. Она смерила меня тяжелым взглядом с головы до ног, особенно задержавшись на туфельках. Что было понятно: на такую обувь и годовой зарплаты местных рабочих не хватит. Потом она мрачно перечитала записку от декана.

– Кудзимоси что, издевается? – недовольно спросила она.

– Это вы про зарплату? – обрадованно уточнила я. – Мне тоже кажется она слишком маленькой, не соответствующей тяжести работы.

– Н-да? – скептически посмотрела она. – Это я про аристократочек на шпильках и с маникюром. Фьорда, вы вообще что-нибудь умеете?

– Конечно, фьордина Вейль, – бодро отрапортовала я. – Все, что скажете.

– Фьорда, вы вообще представляете, что нужно делать с растениями?

– Конечно, фьордина Вейль. У меня есть растительный питомец. И я слежу за его регулярным и правильным питанием. Он даже минеральные добавки получает.

Считается ли железо минералом или нет? Неважно, во всяком случае, Фиффи его получил предостаточно. И питание у него разнообразное – я со своим любимцем даже яблоком поделилась. Так что обвинить меня во лжи вряд ли удастся, хотя фьордина заведующая смотрела очень недоверчиво. Я улыбалась ей со всем возможным выражением счастья, но на ее лице это чувство так и не отразилось. Все же женщины такие неотзывчивые...

– Хорошо, приходите завтра, сразу после обеда, – мрачно сказала она. – Халат мы вам выдадим, а вот на ноги вам нужно что-то другое.

– Дело в том, фьордина Вейль, – доверительно сказала я ей, – что у меня нет другой пары обуви и купить не на что.

В самом деле. На ту подачку, что вручил декан, можно купить только тапочки, и то без помпонов, на них уже не хватит. Я перевела взгляд на ноги моей собеседницы – ей на помпоны тоже не хватило, да и сами тапочки были не очень. Похоже, заведующая здесь получала немногим больше простой работницы...

– Хорошо, фьорда Берлисенсис, подберем что-нибудь из брошенных у нас, – с ехидцей в голосе сказала заведующая, проследившая за моим взглядом. – А то ваша единственная пара может не пережить встречи с грифоньим навозом. Он очень едкий, знаете ли...

Из оранжереи я уходила в раздумьях, стоит ли жалкая зарплата, к которой в нагрузку идет грифоний навоз, таких жертв с моей стороны. О едкости данной субстанции я прекрасно знала: все же с Майзи мы вместе целых три года, она ко мне попала еще почти птенцом. Я вздохнула. Как там моя девочка? Кто чешет ее шейку под нежными перышками и кормит лакомством из специальной жестяной банки? А ведь мне с ней даже проститься не дали...

На глаза попалась лавка «Студенческие мелочи. От тетрадки до штопора». Штопор мне, пожалуй, не нужен, а вот пару тетрадок и зубную щетку прикупить надо. Других магазинчиков на территории академии нет, а за ее пределы я пока ни ногой: Антеру только пальчик покажи, вытащит и посадит по соседству с родными, если не удастся договориться во внесудебном порядке. Так что я распахнула дверь в эту лавочку и стала с интересом осматривать товары. Н-да, приличной девушке и взгляд остановить не на чем. Но куда деваться-то? Так что

купила я десяток тетрадок, парочку простеньких ручек, зубную щетку в наборе с пастой и остановилась перед стеллажом с нижним бельем – вещь совершенно необходимой. Висел там один наборчик синьского шелка, непонятно как затесавшийся между простенькими трусиками и бюстниками, и был он как раз на меня. Мой цвет. Мой размер. Я его в руках повертела, представила на себе, даже о покупке подумала, потом взглянула на ценник. Мама дорогая, я столько грифоньего навоза не перенесу!

– Что, детка, не хватает монеток? – раздался за спиной незнакомый наглый голос.

Я небрежно повесила белье назад, повернулась и смерила хама презрительным взглядом. Таких сразу надо ставить на место. Мальчик явно из тех, кому деньги заменяют длинную родословную. Смазливый, черноволосый, зеленые глаза оценивающе прищурены. Новехонькая мантия сияет белизной, явно на заклинаниях не экономит. А в руке дорогуший переговорный амулет последней модели фирмы «Бирне». Я себе такой же хотела, почти папу уговорила, даже чехольчик к нему купить успела, голубенький. Чехольчик так и остался без телефона, увы.

– Что вы себе позволяете, фьорд? – высокомерно спросила я.

– Я? Могу позволить себе купить это бельишко для прекрасной фьорды, – вызывающе заявил он, – с условием, что мне его покажут на себе.

И ухмыльнулся так плотно, что сразу ясно, заинтересован не столько в том, чтобы это белье на мне посмотреть, сколько в том, чтобы его с меня снять. От такой наглости я даже растерялась. До сих пор моя фамилия ограждала от подобных предложений. Никто же не может всерьез рассчитывать, что девушка из семьи Берлисенсис отдастся за комплект белья, пусть даже и синьского шелка. Да там даже кружева не ручной работы, так, фабричная поделка!

– Где-то я твою мордашку видел, – продолжил он, видимо посчитав, что я раздумываю, в каких выражениях показать свое счастье от его предложения, – но не здесь. Даже странно, что я тебя раньше в Академии не встречал. Волосы собственные или, может, иллюзия?

И потянулся, чтобы потрогать. Видно, уже посчитал, что купил. Вот когда я пожалела, что Фиффи не со мной. Теперь все время буду только с ним ходить. Фиффи – вот лучшая защита девичьей репутации. А пока я просто стукнула по наглой руке, смерила этого торгаша презрительным взглядом и пошла к выходу.

– И откуда ты, такая гордая, вылезла? – бросил он мне в спину. – Пару дней мое предложение в силе. А потом другие желающие найдутся.

У выхода терпеливо дожидался хозяина грифон. Крупный, явно мальчик, породы фринштадский короткоклювый, как моя Майзи. Сразу видно, из хорошей грифятни, скорее Грасси, но, может, и Крейг – у них тоже неплохие экземпляры фринштадских бывают. Но моя девочка была из грифятни Грасси, у них, конечно, подороже, зато всегда высшего качества.

– Покатать? – раздалось над ухом вкрадчивое.

Я молча развернулась и пошла к общежитию факультета Земли. Тоже мне кататель нашелся! Да я на грифона села раньше, чем ходить начала, а он даже уздечку на своего правильно надеть не может! Наверняка и кормит неправильно, а уж о лакомствах бедный мальчик и не вспоминает. Нет, таким, как этот хамоватый тип, нужно законодательно запретить продавать грифонов!

Разозлилась я на этого фьорда, как никогда раньше. Была бы чайником – выкипела бы по дороге к общежитию. И только когда я вошла в свою комнату, поняла, что даже не попыталась направить его мысли в необходимую мне сейчас сторону. Деньги у хама явно есть, а что еще нужно для счастливой семейной жизни? Но почему-то он совсем не привлекал меня в этом плане. Не было у него того, что называется воспитанием, в отличие от Хайдеггера и Кьеркегора. На лицах тех двоих порода видна сразу, а этот – как дворняжка в ошейнике с бриллиантами: ни воспитания, ни достоинства, лишь деньги и спесь. Фу, гадость какая!

Делать оказалось совсем нечего. Со скуки я даже полистала томик со страшным названием «Минералогия», но поняла, что так можно заснуть, не дождавшись ужина. Пропускать ужин в моем положении – непростительная роскошь, поэтому я решила сходить в гости к Элене, вдруг у нее, кроме набора косметики, есть еще что-нибудь, подаренное братом, но совершенно не подходящее брюнеткам? Хороший у нее, наверное, брат, если заботится о сестре, пусть и невпопад

немного.

Комната у дочери ювелира была не чета моей. Да там даже не комната – целые апартаменты: спальня и гостиная с чем-то похожим на барную стойку и набором бытовой техники. Интересно, это входит в стандартный набор для платников или раскошелится папа Элены? Скорее второе – мебель явно новенькая, не будет же администрация все менять для каждого студента. Судя по царившей в помещении чистоте, горничная здесь бывала регулярно. Да, были бы деньги, а уборщицу Грымза всегда найдет. Поди, вылизали здесь все перед вселением, а не отправили в бытовую комнату за тряпкой...

– Миленько тут у тебя, – ласково улыбнулась я Элене, удобно устраиваясь в мягком кресле.

– А, – махнула она рукой, – папа пожадничал, не стал покупать, что я просила. Сказал, на один-два года и этого хватит.

– А потом? – удивилась я.

– А потом он хочет, чтобы я вышла замуж. Вбил себе в голову, что я непременно должна заполучить аристократа, а где их выбирать, как не здесь? Конкуренции-то почти нет.

В этом вопросе она совершенно права. Как-то так выходило, что большинство людей с Даром появлялись в аристократических семьях, а если вдруг выплывал сильный маг из низов, то рано или поздно выяснялось, что в его родословной они тоже потоптались. Отправляли учиться исключительно сыновей, дочерей обычно готовили к другому, ведь карьера мага у обоих супругов ведет к развалу семьи, как неустанно повторяла бабушка. Исключения обычно составляли фьорды типа Ильмы, которые не имели возможности или желания выйти замуж и вынуждены были заниматься своим обеспечением самостоятельно. Но такие вряд ли способны составить серьезную конкуренцию. Да и сколько их? Я вполне допускала, что на весь факультет лиц женского пола приходится человек двадцать, не больше. Но Елена проучилась уже целый месяц и наверняка в курсе всех перспективных местных женихов.

– И как выбор? – живо поинтересовалась я.

– Да так себе, – огорошила она меня. – Кто посимпатичнее – без денег, а папу такой вариант не устроит. Есть еще, конечно, неженатые преподаватели...

Я понимающе покивала: один из них как раз обещал принести плед.

– Но там молодых совсем мало, а старый мне зачем?

Да, грустная картина. Получается, у меня выбор еще меньше: Элена-то может позволить себе выйти замуж за фьорда без денег. Если уж папа так хочет зятя из аристократов, то побряхтит и смирится. А мне такой вариант даже рассматривать нельзя.

– А тебе кто-нибудь нравится? – спросила я.

Для охоты на чужой территории сначала нужно заручиться согласием того, кто там уже места застолбил, ямки вырыл и самострелы наставил. Иначе как-то неблагородно получается.

– Ректор, – заявила она.

– Ректор? – я даже не скрывала своего удивления.

– Ага, – довольно кивнула она. – Наш декан тоже хорош, но ректор – это нечто. Только у него уже невеста есть.

– Невеста – это еще не жена, – бодро заметила я.

На ректора я не претендовала, насколько я помнила, он был из некромантов, некроманты меня всегда пугали. Декана тоже я щедро готова отдать соперницам. Так что получается, я ничего и не теряла.

– Ясперс ни на кого, кроме нее, и не смотрит, – вздохнула Элена. – А она заявила, что замуж только после окончания обучения, а у самой – способности ко всем стихиям. Пока только два факультета прошла. А он вокруг нее увивается, других не замечает.

– Все факультеты? – поразила я. – Да кому она нужна будет после этого всего? Мало того, что умная, так еще и старая. Да и он за это время будет уже не первой свежести. Все, что необходимо мужчине для счастливой семейной жизни, может отсохнуть. Или они свадьбы не дожидаются?

Элена предсказуемо хихикнула и пояснила:

– По слухам, она поставила условие, что раньше первой брачной ночи не дастся.

– Не повезло фьорду, – резюмировала я.

– Он, как может, сокращает сроки обучения, – недовольно поморщилась Элена. – Ей оценки ставят даже без экзаменов, а уж с зачетами лекторы бегают за ней сами.

– И долго он за ней бегают?

– Лет семь.

– Значит, уже привык бегать, – задумчиво протянула я. – Переключай на себя, пусть теперь за тобой бегают.

– Легко сказать, – вздохнула Элена.

– А зачем говорить? – удивилась я. – Делать надо. Тот, кто только болтает, остается ни с чем.

– Так он же на меня и не смотрит...

– Сделай так, чтобы посмотрел, – пожала я плечами. – Раз, другой, а потом уже только на тебя смотреть и будет.

Мы еще поболтали некоторое время на такую животрепещущую тему, как завоевание мужского сердца. Я даже предложила Элене несколько вариантов действий – к сожалению, все они не учитывали характер объекта охоты, ведь ректора я не знаю, даже не видела ни разу, а делать выводы по чужим словам нельзя. Собственно, Элене я так и сказала, но она все равно вдохновилась, глаза

зажглись нездоровым фанатичным огнем, девушка стала нервно бегать по собственной гостиной, горя желанием предпринять хоть что-то прямо сейчас. Но дело шло к вечеру, да и ректора пока в академии не было, так что ее жажда деятельности вылилась в заваривание какой-то каши для себя и меня. Кашка была щедро сдобрена ароматизаторами явно искусственного происхождения, есть ее, конечно, можно, но не каждый день. А уж кормить таким объект желаний – ни в коем случае, на что я и намекнула новой подруге, а она опять завела песню про невинно убиенные трупы. На что я заметила, что мужчина, сидящий на растительной диете, очень быстро приобретает оттенок, для этой диеты характерный, и начинает напоминать те самые невинно убиенные трупы. Нет, возможно, конечно, что некроманту удобно мимикрировать под своих клиентов, но крайне маловероятно, что ему это понравится. Елена задумалась, а я поняла, что ужасно хочу спать: день выдался такой бесконечный и насыщенный, что требовал полноценного отдыха, а то я позеленею и без всяких диет.

Поэтому я распрощалась с согруппницей и направилась к себе, где с удивлением обнаружила мающего перед дверью Хайдеггера с объемистым свертком. К этому времени я уже напрочь забыла о его предложении по улучшению моего быта. Тем приятнее, что сам он оказался не с такой плохой памятью.

– Мартин, – радостно улыбнулась я, – как я рада вас видеть.

Оказалось, он тоже необычайно был рад меня видеть, что и выразил в весьма витиеватых выражениях. Очень, очень витиеватых. И очень, очень длинных. Распрощаться с ним удалось с огромным трудом. Надеюсь, что у кураторов групп не так много свободного времени, чтобы ежедневно простаивать около дверей девушек, на которых захотели жениться. Такие импульсивные фьорды меня всегда несколько пугали, найти общий язык с ними довольно несложно, но отделаться от них потом требовало времени и значительных усилий.

К принесенному тазу Фиффи отнесся недоверчиво и переселяться не захотел, а у меня перетаскивание земли не вызывало ни малейшего энтузиазма: завтра придется этим заниматься после обеда и в масштабах, несоизмеримых с тазиком. Я скормила питомцу печенье с орешками, взятое у Элены. К угощению он отнесся благосклонно, поедание пищи, сделанной из представителей растительного мира, его совсем не угнетало. Впрочем, из животного тоже.

И лишь добравшись до кровати, вспомнила, что так и не купила ни трусиков, ни пижамки. Халатик, опять же, совсем не помешал бы. До душа я все же дошла и даже простирала белье оставленным кем-то кусочком мыла, сделав для себя заметку, что нужно бы завтра и свое купить, а то нельзя все время полагаться на чужую забывчивость. Постиранное я развесила на спинке кровати, вытянулась под грубым постельным бельем и моментально уснула. В голове билась только одна мысль: «Не проспять!» Ведь с Кудзимози станется проверить мое присутствие на первом же занятии и сразу отчислить.

Глава 5

Проснулась я от настойчивого стука в дверь. Судя по свету за окном и шуму, доносившемуся из коридора, утро уже наступило. Я в панике заметалась по комнате, потом решила использовать вместо халатика мантию, набросила ее и открыла дверь, за которой обнаружила Серена.

– Лисандра, я так и подумал, что вы проспали, когда не увидел вас в столовой, – сказал он, попытался не смотреть на то, что старенькая ткань мантии почти не скрывала, перевел взгляд внутрь комнаты, почему-то смутился и начал смотреть уже исключительно на мое лицо.

– Серен, я вам так благодарна, – счастливо улыбнулась я, недоумевая, что же он так занервничал – Фиффи ведь из своего угла не вылез и даже листочком не клацнул.

– На завтрак вы уже не успеваете. – Он всунул мне в руки булочку. – Поторопитесь, а то нехорошо в первый же день опаздывать.

С этим я была совершенно согласна – что-то подсказывало, что Кудзимози воспользуется любым предлогом, чтобы отделаться от неудобной студентки. Поблагодарила я Серена горячо, но коротко и оставила одноклассника брата улыбаться за закрытой дверью. Причину смущения Серена обнаружила сразу, как повернулась. Наверное, спинка кровати не самое лучшее место для женского белья, пусть даже такого красивого и кружевного. Вот ведь еще проблема: – надолго моего не хватит, а покупать то, что в той лавке, у меня рука не поднимется. Причем оплатить-то еще поднимется – не так там и много этой

платы, а вот надеть – ни за что. Мы, Берлисенсисы, себя уважаем.

Когда я выскакивала за дверь, за руку уцепился Фиффи. Времени, чтобы его отговаривать и убеждать, не было, пришлось брать с собой. А этот гад еще и половину булочки отнял. Отнеслась я к этому крайне неодобрительно: он и так вчера покушал намного более плотно, чем я, а теперь еще и грабит хозяйку, которой до обеда сидеть на голодном пайке. Но питомец слушать мои увещевания не стал, торопливо разорвал добычу на мелкие кусочки и сомкнул вокруг них листья. Показался он намного тяжелее, чем вчера поутру. Может, пора ему на диету? А то, если будет прибавлять такими темпами, скоро я его не подниму, а сам он предпочитает перемещаться исключительно по мне. Я покосилась на довольного Фиффи. Да уж, не о том я беспокоюсь: через пару недель усиленного питания он меня попросту раздавит и не заметит.

В башню факультета Земли я влетела запыхавшаяся, но до звонка и тут же врезалась в Кудзимоси. На этот раз его ноги не пострадали, поскольку он успел быстро отставить ту, на которую почти опустился мой каблук. Хвост, как ни странно, тоже уцелел: Фиффи решил, что эта добыча слишком опасна, и умело притворился обычным кустом, даже веточкой не шелохнул. Хотя, вполне возможно, просто у него все зубастые листья заняты вкусной булочкой.

– Доброе утро, фьорд Кудзимоси, – радостно сказала я декану. – Вот, собираюсь грызть гранит науки.

– Доброе утро, фьорда Берлисенсис, – выдавил он из себя. – Боюсь, ваши зубы этого могут не выдержать.

– Я вам так признательна за беспокойство о моих зубах, – улыбнулась я настолько сладко, что у самой щеки к зубам поприлипали. – Вы такой заботливый. Вы для меня просто как отец родной.

И ресницами захлопала глупо-глупо. Мол, что думаю, то и говорю. Декан нахмурился, я еще вчера поняла, что замечание про возраст ему не понравилось, так что про «отца родного» сказала, чтобы позлить. И, похоже, это удалось.

– Расписание висит между первым и вторым этажом, – процедил он. – Поторопитесь, фьорда, у вас мало времени.

На этом его отеческая заботливость закончилась. Хотя мог бы и довести до нужной аудитории – как я ее найду-то? Но пришлось искать самой. Номер группы был указан на жетоне, так что я быстро поняла, куда нужно идти. Первой парой оказалась та самая минералогия, над учебником по которой я вчера чуть не уснула. Аудитория была довольно большая, и в ней сейчас сидело явно больше одной группы. Появление нового лица не прошло незамеченным, да и как оно могло пройти незамеченным, если новое лицо – это я? При желании я даже быстро могу идти так, что смотреть будут лишь на меня. А желание было, ведь, по моим прикидкам, самым перспективным в плане поисков мужа оказывался собственный факультет. Забралась я повыше – слышно там, конечно, похуже, но я же сюда пришла не слушать лекцию, а смотреть и думать. А подумать было о чем. Увиденное не порадовало, слишком молоды оказались однокурсники, таким не о семье мечтать, а в солдатиков играть, да и в ресторациях им по возрасту предлагают только молочные безалкогольные коктейли. Однокурсницы навевали мысли более приятные: было их мало, и походили они на родных сестер Ильмы-Воронье Гнездо. Все-таки женщины, на лицах которых написано «Я умная», выглядят непроходимыми дурами. Походя отметила еще один положительный момент: ни одного хвоста в аудитории. Надеюсь, на Факультете Земли хвост только один – тот, который принадлежит Кудзимоси. Элены на лекции не было, да и не будет, скорее всего. Не похожа она на девушку, способную променять крепкий здоровый утренний сон на никому не нужные сведения из жизни минералов. Вот если бы первой лекцией было жизнеописание ректора, то, поди, сидела бы здесь и секунды до начала считала. А если бы он сам вел...

Фиффи испуганно ко мне жался – было непривычно шумно, – но, когда кто-то подошел слишком близко, все же пару раз угрожающе махнул веточками, так что разглядывать новую студентку предпочитали на расстоянии. Меня это устраивало, хотя улыбаться сокурсникам не забывала, ведь, как говаривала моя бабушка, чем больше мужчин в нас заинтересованы, тем более желанными мы кажемся потенциальному объекту. Правда, никого такого, подходящего под это определение, я пока не видела, но работать на будущее тоже имеет смысл. Вдруг прямо сейчас войдет перспективный лектор, а я уже почти готова к тому, чтобы его обаять. Лектор зашел, и я внутренне скривилась. На мужчину мечты он оказался совсем не похож. Вне всякого сомнения, он старше своих студентов, но, боюсь, он был старше еще тогда, когда учил моего дедушку. Строго говоря, его давно уже пора отправить на пенсию, чтобы дать дорогу молодым перспективным кадрам. Совсем не думает местный декан о студенческих нуждах. Я вздохнула и записала название лекции: «Модели роста кристаллов. Моноклинная и триклинная сингонии». Несмотря на возраст, лектор говорил

низким гулким голосом, прекрасно слышным в любой части аудитории, так что пропустить хоть слово при всем желании было невозможно, только это совсем не радовало, так как понятных слов было всего ничего – и те в основном предлоги, союзы и изредка проскакивавшие междометия. Вообще, его речь звучала как ругательство на незнакомом иностранном языке, у меня даже возникло подозрение, что так оно и есть. Я украдкой огляделась. Сокурсники дружно писали в тетрадках – видно, для них все было понятно. Самое обидное, понятно было даже девушкам, вон как строчат, боятся хоть слово пропустить. Лектор перешел к рисованию на доске, и я приободрилась: появился шанс заполнить тетрадку хоть чем-то. Уж срисовать я наверняка смогу.

По окончании лекции я пришла к неутешительным выводам: делать мне на первом курсе нечего, перспективных женихов тут нет, нужно переводиться на пятый, все равно я там пойму ровно столько же, сколько здесь. Потом я вспомнила Кудзимоси и загрустила еще сильнее. Почему-то показалось, что он без понимания отнесется к подобной просьбе и не согласится перевести меня даже курсом выше, не то что сразу на пятый. Эх... Придется работать с тем, что есть. Ведь у моих одноклассников могут быть старшие братья, неженатые и с хорошим доходом. Бал, опять же, скоро, а там выбор намного больше. Я тоскливо вздохнула. Дожить бы еще до этого бала, а то, если у них проведут какие-нибудь промежуточные проверки, отчислят меня сразу после первой. Как же я ненавижу эти магические академии! И как только Бруно смог проучиться здесь столько лет?

На второй лекции ситуация была похожей, только теперь дополнительно проскакивали знакомые глаголы. Зато лектор, видно, не обладал даже зачатками художественного таланта, стеснялся этого и не рисовал на доске, поэтому в моей тетрадке по новому предмету кроме названия лекции так больше ничего и не появилось. И ведь предмет-то не самый сложный – «История магии», а нет – одни сплошные термины, которые я первый раз слышала.

Но весь ужас своего положения я поняла на третьей паре, когда дело дошло до практического занятия. Не обрадовало даже то, что к нему подползла довольная выпавшаяся Елена, которая оказалась в одной группе со мной. В помещении, где проходил практикум, все места закрепили за студентами еще с начала года, так что стояла она довольно далеко и спросить ее о чем-либо не было никакой возможности. Фьордина средних лет раздала всем бумажки, набор непонятных субстанций и ушла, как я ни пыталась ее задержать, выясняя, что же со всем этим делать.

– Читайте инструкцию, – отмахнулась она. – Там все разжевано, а у меня нет времени объяснять вам элементарное. Через полчаса вернусь, если останется что-то непонятное – спросите.

И убежала. На мои завлекающие улыбки однокурсники предпочитали смотреть на расстоянии: никому из них не хотелось поближе познакомиться с Фиффи. Нужно было его в комнате оставить, а то, даже если у здешних молодых людей целая куча богатых старших братьев, я об этом никогда не узнаю. Первокурсники слишком пугливый народ. Хотя мой брат тоже был рад отделаться от получившегося чудовища. Пришлось читать выданную бумажку. Закипятите, растолките, прочитайте, долейте, досыпьте и мешайте, мешайте, мешайте. На первый взгляд, ничего трудного. Только вот, если все это выполнять в таком порядке, даже на ужин не успеешь, а время как раз к обеду, на который я непременно должна пойти, если не ради себя, то ради Фиффи. Поэтому я внесла необходимые поправки. Воду закипятила, без этого процесс варки, к сожалению, невозможен, а все остальное аккуратно смешала прямо на выданной инструкции и высыпала в булькающий котелок, приговаривая первое заклинание из трех. Наверное, все же стоило сделать две смеси и засыпать по частям, так как завоняло невероятно, я закашлялась и торопливо начала читать второе заклинание. Вонять, слава богам, перестало, и жидкость окрасилась в веселый оранжевый цвет, стала вязкой и тягучей, пузыри на поверхности вздувались до огромных размеров, а потом лопались, оставляя после себя настоящие кратеры. Кратеры постепенно затягивались, смотреть на это оказалось даже интересно. Надо же, учиться не так уж и страшно! Даже Фиффи понравилось, он наклонился над поверхностью, внимательно изучая то, что там происходит, а потом решил улучшить рецептуру и уронил туда лист. Хотя, скорее, это произошло случайно. Тут я вспомнила, что осталось еще одно неиспользованное заклинание, и тут же его прочитала в надежде увидеть что-то не менее увлекательное. И эффект превзошел все мои ожидания: из котелка вырвался столб пламени, чуть не опаливший челку и заставивший Фиффи испуганно нырнуть за мою спину. Все это сопровождалось ужасающим грохотом и свистом. С опаской я подняла голову к потолку и увидела там симпатичное разноцветное пятно.

– Фьорда, что вы тут устроили? – завопила влетевшая в кабинет фьордина, что отвечала за практику.

Надо же, а сама говорила, что придет только через полчаса.

– Я использовала инструкцию, – твердо сказала я.

Как говорила бабушка, никогда не ври, просто показывай нужную сторону правды. Инструкция я прочитала? Прочитала. Потом ее использовала? Использовала. А как использовала, рассказывать совсем не обязательно. И потом, фьордина должна выбирать: либо решать личные дела в нерабочее время, либо наслаждаться новым дизайном помещения. В следующий раз я и стены могу украсить. Мне не жалко.

– Что у вас тут случилось, фьордина Арноро? – вошедший Кудзимоси безошибочно определил меня в виноватые, хотя и обращался не ко мне.

– Наша новая студентка, – ядовито сказала эта не очень достойная фьордина, пытаюсь перевести вину на другого.

– Что ж вы так неаккуратны, фьорда Берлисенсис, – зазвенели льдинки в голосе, а взгляд стал напоминать сосульку, способную пронзить насквозь.

Но мне было что ответить. Подругами-то мы теперь с этой фьординой точно не станем, так что скрывать чужую халатность я не собиралась.

– Фьордина Арноро, – ласково улыбнулась я ей, – не вы ли отказались отвечать на мои вопросы, когда вам срочно надо было уходить, и оставили за себя инструкцию? – Я выразительно потрясла листочком, край которого тоже почему-то обуглился. – Я ее использовала, и вот к чему это привело. Я сама только чудом не пострадала.

– В самом деле, фьордина, вы оставили студентов без присмотра? – теперь холод в деканском голосе был направлен не на меня.

Фьордина замерзала просто на глазах – побелела до синевы и начала оправдываться дрожащим голосом:

– Тема совсем простая. Я даже и подумать не могла, что что-то может взорваться. Сколько лет веду занятия, никогда такого не было.

– Фьорда Берлисенсис – девушка талантливая, – заметил Кудзимоси. – Остается только надеяться, что в оранжерее она не применит все свои способности, а то фьордина Вейль была весьма скептически настроена, когда со мной разговаривала утром.

Я оскорбленно посмотрела на декана. Да что там в оранжерее взрывать? Едкий грифоний помет? Так даже если это и произойдет, он просто равномерно удобрит все грядки, а со стекол в случае чего и смыть можно.

Остаток занятия фьордина Арноро от меня не отходила, замечания цедила неохотно, но очень быстро, видимо боясь повторения случившегося. С личным тренером и инструкция не понадобилась – справилась я пусть и не самой первой, но где-то в средних рядах, так что занятие мне зачли, и мы с Эленой направились на следующую пару. Она тоже оказалась практикумом, но я даже не успела испугаться, как выяснилось, что практикум по этикету. Строгий элегантный фьорд с седыми висками дал задание разложить двенадцать разномастных вилок в правильном порядке рядом с тарелкой, а потом рассказать, какая для чего. Задание меня несколько удивило, нас же не в официанты готовят, чтобы учить раскладывать столовые приборы. Где какая должна лежать, я знала и без всякого конспекта, в которые тут же зарылись студенты, и Елена в том числе. Когда я делилась своими знаниями с преподавателем, он поначалу глядел недоверчиво – видно, нечасто его радовали студенты, – но остаток занятия смотрел на меня прямо-таки влюбленными глазами. Что ж, теперь я уверена, что хоть один предмет сдам, и не просто сдам, а на «отлично». Я дождалась Элену, которая тоже отделалась довольно быстро, хотя и путалась постоянно. Еще бы, наверное, о том, что вилки бывают разными, она узнала только здесь. Но надо признать, что выглядела она все же не так глупо, как некоторые мои одногруппники, с которыми я так и не познакомилась: Фиффи надежно ограждал от постороннего интереса.

– Ты обещала помочь с ректором, – внезапно заявила Елена.

Я удивилась. До этого мы вполне мирно беседовали, не упоминая ни о каких ректорах. Я и так ей вчера выдала, можно сказать, инструкцию по завоеванию мужского сердца. Больше я бы и для родной сестры не сделала, тем более что сестры у меня и нет.

– Косметику взяла? – правильно поняла мой взгляд девушка. – Значит, ты мне теперь должна.

– Ну знаешь, – возмутилась я совершенно произвольно. – Ты считаешь, что купила мою помощь за эту жалкую подачку, которая тебе самой не была нужна? Да я прямо сейчас тебе все верну!

– Лисандра, что ты, – заняла эта дочь торговца. – Я просто неудачно пошутила. Но мы же подруги, ты же мне поможешь чисто по-дружески?

Как-то не согласовывались эти ее слова с прежними, но я предпочла сделать вид, что поверила. Компания клонов Ильмы меня не привлекала: если они разговаривают такими же выражениями, что и лектор, друг друга нам не понять.

– Я тебе уже чисто по-дружески дала множество советов, – заметила я. – Остальное зависит от тебя. Как в жизнь воплотишь, так и получится. Я же не могу за тебя влюбить в себя ректора, тем более что он мне совсем не нужен.

– Ну хоть со мной походишь? – умоляюще сказала она. – Для поддержки. Одной же страшно.

– Где походить? – спросила я. – Я из Академии не могу выйти.

– Так здесь же, – воодушевилась моим ответом она. – Он всегда прогуливается после обеда в парке. Перед лекцией.

– После обеда не могу, – ответила я. – У меня работа в оранжерее, и декан Кудзимоси не поймет, если я ее пропущу.

– Ясперс еще по вечерам бегает, – вспомнила Елена. – Но не каждый день. Может, тоже побегаем?

Я скептически посмотрела на свои туфельки, потом на Эленины и пришла к выводу, что наши каблуки такого издевательства не выдержат, да и сколько нам удастся сохранять нужный темп? К тому же после бега внешность претерпевает некоторые изменения, и не в лучшую сторону. А встречать потенциальную жертву нужно во всеоружии. Да и вряд ли ректор окажется настолько глуп, чтобы поверить, что мы столкнулись с ним совершенно случайно. Нет, лучшая случайность – та, что тщательно подготовлена. Все это я и доносила Элене во время обеда, когда Фиффи пытался то у меня, то у нее выудить из тарелки что-

нибудь съедобное, но неизменно получал по наглым веткам. Вчерашний трюк у него не получился. Раздатчица была настороже, и только мой любимец нацелился на лоток с мясом, точный шлепок полотенцем отбил у него всякое желание объедаться. Ну и правильно, а то скоро придется его на жесткую диету сажать. Хотя, загрустила я, он же может фотосинтезом заниматься, в отличие от меня.

– Ну давай тогда ты после своей оранжереи зайдешь и мы займемся планированием? – предложила Елена.

– Как я могу заниматься планированием, если я его даже не видела? – возразила я.

– Давай ты отпросишься сегодня из оранжереи и мы сходим на его лекцию, – заныла она.

Я была уверена, что фьордина Вейль обрадуется, если я вообще не приду, но я никогда не мечтала осчастливливать всех лиц женского пола, так что заведующей оранжереей придется пострадать. Правда, пострадать придется и Элене.

– В первый же день отпрашиваться нехорошо, – заметила я.

Но она ныла, пока у меня голова не заболела. Возможно, общение с клонами Ильмы не так-то и плохо: они не жаждут, чтобы я была рядом постоянно.

Элене я ничего не стала обещать. Кто знает, что со мной будет после первого рабочего дня. Не думаю, что тапочки, которые выдадут, имеют хоть какие-то каблучки, наверняка там плоская подошва, как у тех, что на ногах у фьордины Вейль. А попробуй проходи на таких несколько часов. Я не уверена, что смогу: мои ноги предназначены для нормальной обуви, а не для подобного недоразумения. Нет, мне срочно нужна запасная пара для работы.

В оранжерею мы с Фиффи отправились сразу после обеда. Он, правда, был несколько недоволен, что ничего стащить из чужой тарелки или с лотка не удалось. Думаю, тот кусок хлеба со столика, мимо которого я неосторожно пронесла питомца, в счет не идет – это же не мясо, которое предпочитал Фиффи. С другой стороны, для правильного развития растению нужны

удобрения, а вовсе не непереваренные животные продукты, и так он слишком агрессивен в последнее время. Интересно, не будет ли возражать Фьордина Вейль, если он подпитается драгоценным грифоньим навозом? Да и общение с собратями по фотосинтезу должно пойти ему на пользу – пусть посмотрит, что другие не привередничают, а едят, что дают.

Фьордины Вейль на месте не оказалось. Видимо, обед у нее дольше, нежели у студентов. И то сказать – у сотрудников Академии было отдельное кафе, где можно питаться в свое удовольствие и тем количеством порций, каким позволял кошелек. Если у них работницы оранжереи получают столь мало, то логично предположить, что все остальные деньги идут на оплату непосильного труда заведующей, которая их и проедает, вместо того чтобы сидеть на рабочем месте в рабочее же время. И теперь я маялась перед закрытой дверью в ее кабинет. Фиффи недолго сидел у меня на плече, он осторожно спустился и пополз между аккуратными ухоженными грядками. На ближайших росли разнообразные пряные растения, Фиффи они поначалу заинтересовали, но когда он понял, что никакого мяса к ним не прилагается, то разочарованно пополз дальше. Никаких куч грифоньего помета видно не было, так что я могла не беспокоиться, что он объестся и свалится где-нибудь в изнеможении. Пусть походит, освоится, мы же здесь не на один день.

В теплице оказалось ужасно душно, так что я промаялась еще пару минут перед дверью да и вышла наружу, решила ожидать заведующую там. А то она отдыхает, а я здесь мучаюсь. Нужно, чтобы время ожидания засчитали в рабочее – ведь я пришла, и не моя вина, что некоторые так долго едят. А поела Фьордина Вейль явно с удовольствием. Когда я ее увидела, она неторопливо шла по мощеной дорожке с умиротворенным выражением лица, которое у нее сменилось на недовольное сразу же, когда она меня заметила. Видно, до последнего надеялась, что не приду. Но я улыбнулась ей радостно, как ближайшей родственнице, которая завещала свое немаленькое состояние мне.

– Фьордина Вейль, хорошего вам дня!

– Хорошего дня, фьорда Берлисенсис, – сухо ответила она. – Я вижу, вы горите трудовым энтузиазмом.

– Конечно, фьордина Вейль, – радостно сказала я. – Ведь работать с растениями – это так интересно!

Взгляд ее смягчился – видно, все же удалось найти нужные слова. Теперь бы запомнить, что она – страстная любительница не только хорошо поесть, но и пообщаться на тему «как прекрасен растительный мир». Хорошим отношением того, от кого ты зависишь, пренебрегать не стоит, это еще моя бабушка говорила.

– Ах да, фьорда, вы же упоминали, что у вас есть растительный питомец, – вспомнила она.

– Я его с собой взяла, – обрадовала я ее. – Бедный Фиффи так грустит в одиночестве, что я не смогла его оставить.

– Похвально, – заметила заведующая уже намного мягче. – Но где же ваш Фиффи? Или он столь мелок, что его сложно заметить?

– Он пока осваивается в оранжерее, фьордина Вейль, ведь нам придется там много времени проводить, а он у меня такой застенчивый, ему требуется одиночество, чтобы привыкнуть.

Она понятливо покивала:

– Возможно, вы не столь безнадежны, фьорда, – довольно сказала она, открывая дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/luk-yanova_bronislava/ya-nenavizhu-magicheskie-akademii

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)